

В.Е. НАУМЕНКО
V.E. NAUMENKO

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО МАНГУПА. РАСКОПКИ УЛИЦЫ VI–XI ВВ.
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ КРЕПОСТИ¹**

**NEW MATERIALS ON HISTORY AND ARCHEOLOGY OF THE
BYZANTINE MANGUP. EXCAVATIONS OF STREET
OF VI–XI CENTURIES IN THE CENTRAL PART OF RESIDENTIAL
DEVELOPMENT FORTRESS**

ВВЕДЕНИЕ

Мангупское городище расположено на вершине изолированного горного плато и является крупнейшей средневековой крепостью Юго-Западного Крыма. Благодаря многолетним раскопкам, особенно интенсивным и систематическим, начиная с 1990-х гг., когда большинство археологических объектов стали исследоваться полностью, на широкой площади сейчас установлена длительная и сложная политическая история памятника, которая включает семь основных этапов – позднеримский (докрепостной; конца III/начала IV – середины VI в.), ранневизантийский (середины VI – конца VIII в.), хазарский (конца VIII – середины IX в.), фемный (середины IX – середины XI в.), золотоордынский (конца XIII–XIV вв.), феодоритский (около 1400–1475 гг.) и османский (около 1475–1792 гг.) [подробнее см.: Герцен, Науменко, 2015; 2016; 2019]. Эта периодизация, разработанная с учетом всего имеющегося комплекса источников, свидетельствует почти о непрерывном существовании крупного средневекового поселения на территории обширного Мангупского плато и часто о длительном эволюционном развитии выявленных поселенческих структур. Также необходимо отметить центральную роль городища в политической истории региона начиная с момента строительства здесь в конце правления императора Юстиниана I (527–565) византийской крепости [Науменко, Герцен, 2022а] и вплоть до ухода из нее по условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., местного османского гарнизона. Причем такой подход к оценке военного и политического значения Мангупа-Дороса-Феодоро для истории всего Горного Крыма остается неизменным, независимо от того, входила ли крепость в состав крупных мировых империй своего

¹Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаем признательность А.Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника, а также постоянным сотрудникам экспедиции В.К. Ганцеву и А.А. Душенко за помощь при подготовке иллюстраций к статье.

времени – Византии, Хазарского каганата, Золотой Орды, Османской империи или, как в случае с княжеством Феодоро, являлась столицей самостоятельной региональной политики.

Современная периодизация истории Мангупского городища является необходимым инструментом для решения множества исследовательских задач. Среди них наиболее первостепенной сейчас представляется реконструкция исторической топографии, характера и функций поселения в различные периоды его истории. От решения этой научной проблемы во многом зависят наши представления о том, на каком этапе своего развития Мангуп из обычной крепости и одного из идеологических центров распространения христианства в Юго-Западном Крыму окончательно трансформировался в поселение городского типа, отличительными признаками которого являлись, помимо оборонительных стен и кафедрального храма Готской епархии (митрополии с конца XIII в.), высокий уровень спланированности территории, наличие регулярной (квартальной) жилой застройки и многие другие обязательные элементы городской инфраструктуры (улицы, производственные и хозяйственные зоны, городские свалки и пр.). На сегодняшний день эта работа выполнена лишь для середины IX – середины XI в., когда крепость входила в состав византийской фемы на полуострове [Науменко, Душенко, Ганцев, 2022; Науменко, 2022], и в самом общем (обзорном) виде для золотоордынского [Науменко, 2020], феодоритского [Герцен, Науменко, 2015, с. 94-95] и османского периодов в ее истории [Науменко, Сейдалиев, 2021, с. 94 – 97]. Но даже в таком виде она уже сейчас позволяет предполагать, что городские черты застройки крепости приобрела не в XIV-XV вв., как это считалось до недавнего времени [Герцен, Науменко, 2015, с. 94], а в IX-X вв. [Науменко, 2022, с. 169, 184] или даже несколько ранее.

В настоящей работе представлены археологические аргументы данной гипотезы на примере истории участка раннесредневековой улицы, раскопанной в 2019 – 2021 гг. на месте княжеского дворца 1425 –1475 гг. в центральной части Мангупского городища (рис. 1, 7). Анализ комплексов находок из различных горизонтов ее мощения свидетельствует о функционировании улицы без особых перерывов на протяжении длительного периода времени, с середины VI в. и до первой половины XI в. Это позволяет сделать вывод о том, что система улиц на территории жилой застройки Мангупа, которая являлась важнейшим элементом городской планировки для любого крупного поселения, появляется еще в ранневизантийское время, то есть почти сразу после сооружения на Мангупском плато большой византийской крепости.

АРХИТЕКТУРНОЕ ОПИСАНИЕ И СТРАТИГРАФИЯ УЧАСТКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Дворцовый ансамбль Мангупского городища, функционировавший в качестве резиденции правителей княжества Феодоро в относительно небольшой промежуток времени 1425 –1475 гг., исследовался в 2006 –2010 и 2014 –2021 гг. Систематические раскопки в течение 13 полевых сезонов на площади около 3 тысяч кв. м позволили, по сути, завершить археологическое изучение памятника и получить надежные мате-

риальные свидетельства для его точной хронологии и реконструкции композиционно-художественного облика [общие итоги раскопок см.: Герцен, Науменко, Душенко, 2019; Науменко, Герцен, 2022б]. Однако не менее важным результатом этих работ является выявление в стратиграфии дворца, помимо строительного горизонта дворцового периода, следов застройки постдворцового и додворцового (ранневизантийского, фемного и золотоордынского) времени, что указывает на постоянное использование данного района Мангупского плато на протяжении почти всей истории городища.

Интересующий нас археологический объект – раннесредневековая городская улица, был исследован в 2019 –2021 гг. в северо-западной части раскопа при изучении застройки середины IX – середины XI в. на месте дворцового комплекса. Этот строительный горизонт является наиболее презентабельным среди всех строительных ярусов додворцового времени на памятнике и включает, кроме улицы, еще девять руинированных жилых построек (строительных комплексов, далее СК-1-СК-9) и скальную виноградодавильню МКВ-15 (рис. 2). Он отличается высоким уровнем спланированности территории, каменным домостроительством и регулярным (вероятно, квартално-уличным) типом застройки, что является важным аргументом в пользу гипотезы о городском характере поселения на Мангупе уже в это время. Лучшее всего планировка открытого на месте дворца жилого квартала фемного периода прослежена на Западном участке исследований памятника, где вокруг СК-7, СК-8 и СК-9 и одновременной им улицы, на площади около 200 кв. м, был выявлен сохранившийся участок его дневной поверхности мощностью до 0,20 м (слой №8 в общей стратиграфии памятника) (рис. 3) [Науменко, 2022, с. 174 –177, рис. 10]. Несмотря на то, что в ходе раскопок в квадратах №48 и 49 был раскрыт лишь небольшой участок трассы улицы протяженностью 13,40 м и шириной от 3,00 до 3,50 м, необходимо отметить, что она хорошо вписана в общую планиграфию жилого квартала фемного времени на месте дворца, ограничивая его с севера. Особо обратим внимание на ориентацию археологического объекта, строго по оси запад-восток, очевидно, по направлению к главному храму крепости – Большой базилике и к ущелью Гамам-дере, в верховьях которого в это время активно функционировал еще один обширный жилой квартал. Такая планировка улицы была также обусловлена особенностями топографии данного района Мангупского плато, рельеф которого определялся несколькими структурными скальными ступенями, плавно понижающимися по оси юг – север. Вдоль этих ступеней располагались жилые постройки и были проложены, как видно на примере нашей улицы, основные дорожные коммуникации крепости.

Как показали археологические исследования, после прекращения использования улицы на ее трассе были выкопаны несколько более поздних хозяйственных ям: №77, датированной не позднее первой половины XI в., и №69 конца XIII – первой половины XIV вв. Еще позднее, при сооружении западной стены помещения В (открытой галереи с двойной колоннадой) дворцового комплекса (около 1425 г.) и хозяйственной ямы №66 (около 1450 г.), она была полностью разрушена в восточном направлении.

На разных этапах функционирования улицы ее южную границу определяла линия, образованная кладками №123 и 131², северную – кладками №122 и 130 (рис.3 – 7). От кладки №123, которая ограничивала с севера СК-7, сохранились три фрагмента нижнего ряда (сохранностью до 0,20-0,25 м) общей протяженностью 7,60 м и шириной до 0,80 м, сложенные из разномерного бутового камня с грубой лицевой подтеской, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, скорее всего, на известковом связующем растворе. Фрагмент нижнего ряда кладки №122 длиной 3,80 м, сложенный в аналогичной строительной технике, открыт на расстоянии 3,90 м к северу от кладки №123, вблизи северного борта раскопа. Хуже сохранились кладки №130 и 131, фрагменты которых длиной, соответственно, 2,93 и 2,08 м открыты в квадрате №49 на расстоянии 3,00 м друг от друга. Сложенные из среднего и крупного бутового камня без связующего раствора, они, скорее всего, выполняли функцию дополнительных стен-крепид на трассе улицы. Стратиграфически наиболее ранними являются кладки №122, 123 и 131, так как они возведены на поверхности 9-го слоя, дневной поверхности поселения ранневизантийского времени на участке исследований. Кладка №130 сооружена позднее, так как ее основанием является поверхность 1-го (нижнего) горизонта черепично-щебнистого мощения улицы. К этому времени перестала использоваться, была разобрана и частично засыпана 2-м (средним) горизонтом мощения кладка №131.

Как показали раскопки на трассе улицы, ее история включает несколько периодов (рис. 7). Наиболее поздний из них, безусловно, соотносится со строительным горизонтом второй половины IX – первой половины XI в. на месте Мангупского дворца. В этот период дневной поверхностью улицы являлось мощение из мелкого бутового камня («брусчатка»; слой мощения №3) без связующего раствора мощностью до 0,10-0,15 м, участки которого были открыты в 2019-2020 гг. в квадрате №48 (рис. 5-6). Под основой мощения выступает плотный грунт светло-серого цвета, аналогичный по структуре 8 слою на участке исследований.

Ранний этап функционирования улицы связан с двумя горизонтами черепично-щебнистого мощения, которые были исследованы в 2021 г. Оба горизонта мощения одинаковы по структуре и состоят из мелкого бутового камня, щебня и мелких фрагментов керамики. 2-й (средний) слой мощения сохранился отдельными участками, главным образом, в южной части улицы, местами примыкая к северному панцирю кладки №123 (рис. 4, 2). Его мощность составляет 0,10-0,17 м, ширина, совпадающая, очевидно, с размерами трассы улицы в это время, – не более 3,00 м на участке между кладками №123 и 130. Отмечаем высокую степень выровненности поверхности горизонта: перепад высотных отметок в направлении с востока на запад в пределах 0,10 м, в направлении с юга на север – 0,10-0,12 м. Как уже говорилось, именно этим слоем была перекрыта кладка №131, одна из ранних крепидных стенок улицы.

²На общем плане по уровню 8-го слоя (рис. 3) кладка №131 отсутствует, так как она была перекрыта 2 (средним) горизонтом мощения улицы.

1 (нижний) горизонт мощения сохранился значительно лучше, особенно в восточной части раскопа, на участке между кладками №122 и 123, где ширина улицы в этот период достигала местами 3,50 м (рис. 4, 1). Он сооружен на поверхности 9-го слоя и выходов скалы мощностью до 0,10 м. Имеет исключительную степень выровненности, не более 0,05-0,10 м во всех направлениях. Послужил основанием для строительства кладки №130.

Стратиграфические наблюдения в процессе выборки различных культурных горизонтов на трассе улицы ясно указывают на длительный и эволюционный характер развития данной планиграфической структуры на месте дворцового комплекса. Отсутствуют какие-либо следы значительных хронологических разрывов между тем или иным уровнем мощения в виде локальных гумусированных прослоек или изменений в планировке археологического объекта. Его общая датировка и внутренняя периодизация могут быть установлены на основе последовательного анализа археологических комплексов находок из каждого слоя заполнения улицы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НАХОДОК

Вещественные комплексы находок из всех слоев заполнения улицы, представленные в основном мелкими фрагментами керамики, достаточно многочисленны, что исключает случайность выводов об их хронологии, но, к сожалению, в их составе крайне мало артефактов с узкой датой. К тому же речь идет об открытых археологических комплексах, которые, быстро сформировавшись в качестве искусственного горизонта мощения улицы, продолжали затем использоваться длительное время, постепенно утрачивая свою изначальную чистоту. Это заставляет при установлении их хронологии ориентироваться не столько на группы археологических материалов с крайними датами, сколько попытаться выделить среди них находки, маркирующие разницу между комплексами.

Наиболее ранний археологический комплекс на участке исследований происходит из 1 (нижнего) слоя мощения улицы. Его структура представлена в статистической таблице №1:

Таблица №1.

Улица. 1-й (нижний) горизонт мощения. Основные категории находок

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции, в том числе производственный брак	27	Около 3%
2	Керамиды и калиптеры VIII-X вв.	23	2,5%
3	Водоотводной керамический желоб	8	Менее 1%

Тарная керамика			
4	Пифосы без точной атрибуции	13	1,4%
5	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII – X вв.	2	Менее 1%
6	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 8, 1-4)	103	11,2%
7	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 8, 5-11; 9, 1-3)	283	30,9%
8	Амфоры типа LRA 1 (рис. 9, 4-8; 10; 11, 1-2)	197	21,5%
9	Амфоры типа LRA 2 (рис. 11, 3-4)	60	6,5%
10	Амфоры типа LRA 4 (рис. 11, 5)	4	Менее 1%
11	Амфоры класса 2 по ХК-95 (тип C Snp II-III) (рис. 12, 1)	22	2,4%
12	«Byzantine Globular Amphorae» (?) (рис. 11, 6; 12, 2-6)	41	4,5%
15	Амфоры без точной атрибуции	43	4,7%
Кухонная керамика			
16	Лепная керамика VI-VII вв. (рис. 12, 7-8; 13, 1-2)	19	2%
17	Лепная керамика VIII – X вв. (рис. 13, 3)	15	1,6%
Столовая керамика			
18	Гончарная керамика без точной атрибуции	12	1,3%
19	Кувшины «скалистинского типа» (рис. 13, 4)	43	4,7%
Всего:		915	100%

Анализируя таблицу, обратим внимание на явное доминирование в комплексе фрагментов тарной керамики, в основном амфор (около 85%), и немногочисленность строительной (чуть более 5%) и бытовой керамики (около 10%), что не характерно в целом для культурного слоя Мангупского городища. Также отметим высокую степень атрибуции археологического материала, среди которого лишь около 10% не имеют точного определения. Остальные находки уверенно распределяются на две хронологические группы, датируемые ранневизантийским временем и началом (после VII в.) средневизантийского времени в истории крепости.

Ранневизантийскую группу находок характеризуют, прежде всего, хорошо известные для этого времени в Крыму и в других регионах византийского мира типы амфор:

1. Наиболее многочисленны (30,9%) красноглиняные (10 YR 5/8) круглодонные желобчатые амфоры типа V по ХК-71 [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев,

Романчук, 1971, с. 85, рис. 6], изготовленные из плотного глиняного теста с примесью известняка, шамота, песка, железистых частиц и покрытые, как правило, ангобом светлых тонов различной степени плотности (рис. 8, 5-11; 9, 1-3) [о них см. также: Якобсон, 1979, с. 9–11, рис. 1, 2-6; 2, 1; 3, 5-6 (типы 2-5); Сазанов, 1991, с. 61–64, рис. 1-7; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 24-25, табл. 7, 32-33; 8 (класс 6); Orait, 2004, p. 27–29 (type B-1d); Смокотина, 2020, с. 531–535]. На сегодняшний день, они надежно датируются второй четвертью VI-VII вв. [Сазанов, 1991, с. 64; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 24; Голофаст, 2001, с. 101; Зинько В.Н., Зинько А.В., 2019, с. 176; Смокотина, 2020, с. 531-532] или просто в пределах VI-VII вв. [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 411]. Попытки некоторых исследователей рассматривать амфоры типа V по ХК-71 и более поздние «причерноморские» амфоры с желобчатым корпусом класса 36 по ХК-95 в рамках некоего эволюционного ряда и, соответственно, удлинять их хронологию до второй половины IX-X вв. не имеют оснований [Sazanov, 1997, p. 94, fig. 2, 27 (type 27); Голофаст, 2001, с. 101; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 120-121]. Остается не установленным точное место производства таких амфор [см.: Swan, 2009, p. 110; Смокотина, 2020, с. 532], кроме общего заключения об их понтийском происхождении.

2. Также большое содержание в комплексе имеют светлоглиняные (5 YR 6/6; 2.5 YR 7/6) амфоры типа LRA 1 с рифлением корпуса типа «набегающая волна», сформованные из плотного глиняного теста с примесью известняка, песка, карасана (рис. 9, 4-8; 10; 11, 1-2) [Riley, 1979, p. 212-216, fig. 337-338]. Они имели широчайшее распространение в Средиземноморье и Причерноморье начиная с конца IV – начала V в. и до конца VII вв. [Keay, 1984, p. 268–278, fig. 32, 7-8; 116–120; 124, 1-5 (type LIII); Hayes, 1992, p. 63-64. 69, fig. 47, 156-157; 49, 193-194 (type 5 и его поздняя имитация – type 21); Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 29 (класс 12); Sazanov, 1997, p. 87-88 (type 1); Голофаст, 2001, с. 101; Vroom, 2005, p. 53; Смокотина, 2020, с. 524–526], а в отдельных регионах (в Сирии и Палестине) их поздние вариации продолжали, судя по всему, производиться вплоть до VIII в. включительно [Sodini, Villeneuve, 1992, p. 197]. В этой связи особо отметим относительно недавнее исследование Д. Пьери, позволившее выделить два основных хронологических типа таких амфор, отличающихся, главным образом, формой профильных частей и диаметром венчиков – ранний (конца IV – начала VI в.) тип LRA 1A с манжетовидным узким (5,0-7,5 см) венчиком и поздний (начала VI-VII вв.) тип LRA 1B с широким (10-12,5 см) венчиком и S-видным («с ребром») профилем горловой части [Pieri, 2005, p. 70–77]. Все найденные в нижнем слое мощения улицы на Мангупе фрагменты амфор с рифлением корпуса в виде «набегающей волны» принадлежат типу LRA 1B и датируются, таким образом, в пределах VI-VII вв. Закономерность их большого содержания в комплексе подтверждается материалами раскопок на других синхронных памятниках византийской Таврики [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 412; Голофаст, 2001, с. 121; 2007, с. 97, Смокотина, 2014, с. 72, табл. 1; 2020, с. 525]. Происхождение амфор LRA 1 связывается с восточно-средиземноморским регионом, в частности с Киликией, Сирией, Кипром и

Родосом [см.: Pieri, 2005, p. 80, fig. 38; Vroom, 2005, 53; Смокотина, 2020, с. 525].

3. Третью по численности группу находок в комплексе составляют так называемые коричневоглиняные (2.5 YR 4/6; 2.5 YR 6/6; 2.5 YR 4/8) амфоры с вытянутым корпусом, суживающимся в средней части («с перехватом»), изготовленные из рыхлого глиняного теста с обильной примесью известняка, песка, пироксена и железистых частиц (рис. 8, 1-4). В существующих классификациях они соответствуют амфорам класса 1 по ХК-95 [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 16–19], типа 103 по Зеест [Зеест, 1960, с. 121], типа I по ХК-71 [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук, 1971, с. 82-83], типа 7 по Якобсону [Якобсон, 1979, с. 12], типа 11 по Сазанову [Sazanov, 1997, p. 90]. Благодаря исследованиям С.Ю. Внукова установлено их производство на территории современной Абхазии, где они продолжали эволюционную линию развития местных («колхидских») античных амфор [Vnukov, 2011; Внуков, 2012]. Выделенному им позднему типу таких тарных сосудов – варианту Kx ID2 второй половины IV – VII вв. принадлежат все найденные в нашем комплексе фрагменты амфор «с перехватом». Также отметим, что на Мангупе амфоры класса 1 по ХК-95 являются одним из основных видов импортной тары для ранневизантийского периода, вплоть до конца VII – начала VIII вв. [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 411-412]. Это наблюдение в целом подтверждается результатами раскопок на других синхронных памятниках Крыма. В частности, однотипные амфоры (целые экземпляры и фрагменты) происходят из ранних (конца VII – первой половины VIII в.) культурных отложений на территории ранневизантийской Сугдеи [Майко, 2020, с. 39-42, 65-66, рис. 31, 1, 5-6; 33, 4; 111, 1-4].

4. Красноглиняные (10 R 5/8) амфоры с воронковидным горлом и глубоким частым рифлением в верхней части корпуса типа LRA 2 [Riley, 1979, p. 217-219, fig. 91, 348; 92, 349-350], сформованные из плотного глиняного теста с включениями частиц известняка и пластинок слюды и покрытые плотным слоем светлого ангоба (рис. 11, 3-4). В современных классификациях византийских амфор такие сосуды сейчас чаще всего датируют в широких пределах V–VII вв. [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 39 (класс 18); Hayes, 1992, p. 66 (type 9); Sazanov, 1997, p. 88 (type 2); Pieri, 2005, p. 86-89]. При этом отметим замечание Дж. Хэйса об их широком распространении в бассейне Эгейского моря и Причерноморье, начиная с третьей четверти V в., и встречаемости в археологических комплексах Константинополя в диапазоне начала VI – середины VII в., что близко к ситуации в византийском Херсоне [Hayes, 1992, p. 66; ср.: Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 39], а также попытку Д. Пьери выделить три хронологических варианта таких амфор – LRA 2A (V – середина VI в.), LRA 2B (середина – конец VI в.) и LRA 2C (последняя треть VI – середина VII в.), основываясь на разнице формы венчиков и горловой части [Pieri, 2005, p. 86–88]. К сожалению, сильная фрагментированность амфор LRA 2 из нашего комплекса, представленных исключительно стенками и ручками сосудов, не позволяет надежно соотнести их с тем или иным вариантом по Д. Пьери. Однако с учетом довольно большого числа находок (60 фрагментов; 6,5%), датировка амфор в пределах вто-

рой половины VI-VII вв. кажется наиболее вероятной. По-прежнему до конца не ясным остается регион производства амфор LRA 2. Помимо островов Эгейского моря, предполагается их изготовление в южной части Малой Азии и даже в некоторых гончарных центрах Западного Причерноморья [Pieri, 2005, p. 90-91; Vroom, 2005, p. 55].

5. Светлоглиняные (5 YR 6/8) амфоры с вытянутым «морковкообразным» (типа «carottes») корпусом класса 2 по ХК-95 или типа C Snp II-III по Д. Кассаб Тезгёр [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 19-20; Kassab Tezgör, 2009, p. 129-134, pl.17 – 19], изготовленные из плотного глиняного теста с примесью известняка и пироксена (рис. 12, 1). Их хронология остается одной из наиболее дискуссионных в историографии, в том числе и для памятников Крыма [ср. работы, содержащие обзоры различных точек зрения: Сазанов, 1995; Sazanov, 1997, p. 90, 92, fig. 1, 14 (type 14); Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 416-417; Смокотина, 2020, с. 513 – 519; Сазанов, 2021]. После публикации материалов раскопок гончарного центра из района Синопы (вблизи деревни Демирчи), можно констатировать синопское производство всех разновидностей амфор группы C Snp I-III и более поздних амфор группы D Snp, последовательно сменявших друг друга на протяжении IV – начала VII вв.; основанием для такой общей датировки открытых печей являются находки монет в интервале от Константина I (306 –337) до Фоки (602 –610) [Kassab Tezgör, 2009, p.132-133, 136 –138, 198]. В этом эволюционном ряду светлоглиняным амфорам типа C Snp II-III, скорее всего, отводится период V – первой половины VI в., но это предположение требует еще тщательной ревизии известных археологических комплексов, в составе которых они были обнаружены. Что касается датировки фрагментов амфор класса 2 по ХК-95 из нижнего горизонта мощения улицы на месте Мангупского дворца, то их, в том числе и с учетом общей немногочисленности фрагментов (всего 22; 2,4 %), следует здесь датировать лишь в общих пределах VI в.

6. Крайне немногочисленны в комплексе (менее 1%; всего 4 фрагмента) коричневоглиняные (7.5 YR 4/6) амфоры типа LRA 4 [Riley, 1981, p. 120, fig. 13], сформованные из рыхлого глиняного теста с примесью песка и редких мелких частиц известняка (рис. 11, 5). Производились в Газе (Палестина) на протяжении IV – первой половины VIII в. Д. Пьери выделил два основных типа таких амфор – ранний LRA 4A (IV-V вв.) и более поздний LRA 4B (VI – первой половины VIII в.) с несколькими вариантами (LRA 4B1, LRA 4B2, LRA 4B3). Последний тип отличается более вытянутым корпусом с усеченно-коническим дном с плоским основанием, почти не выделенным венчиком, небольшими петлеобразными речками и зонами мелкого или глубокого рифления в верхней и нижней частях тулова [Pieri, 2005, p. 101 –114; см. также: Sazanov, 2017; Смокотина, 2020, с. 530-531]. По аналогии с другими находками амфор LRA 4 на археологических объектах Мангупа наши фрагменты, скорее всего, принадлежат одному из вариантов позднего типа таких амфор и, таким образом, могут быть датированы в широких пределах VI-VII вв.

Помимо перечисленных типов амфор, ранневизантийский комплекс находок характеризуют фрагменты лепных сероглиняных горшков с подлощенной поверхно-

стью, изготовленных из рыхлого теста с примесью дресвы (рис. 12, 7-8; 13, 1-2), которые хорошо известны по раскопкам других памятников Мангупского городища [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 417-418, рис. 33, 4-5, 7-8; 34, 1-2; 39, 15-16; 40, 1-3]. Очень важной среди в целом невыразительной группы индивидуальных изделий (фрагментов керамических крышек из стенок керамид, стенок прозрачного оконного стекла зеленоватого цвета, железных гвоздей) является находка медного литого херсоно-византийского пентануммия с монограммой «Полис Херсонос» на реверсе времени императора Юстиниана I (527 –565) (рис. 13, 5) [Анохин, 1977, с. 157, №314]³. Отметим присутствие в слое кусков крицы и костей животных (всего 111) без следов обработки.

Хронологически более позднюю группу находок из нижнего горизонта мощения улицы, которую условно можно соотносить с началом средневизантийского периода, составляют не более 10% керамических изделий. Среди них наиболее важным является определение красноглиняных (2.5 YR 4/8; 2.5 YR 6/8) амфор из плотного теста с примесью частиц известняка и шамота, покрытых светлым ангобом; их стенки украшены мелким зональным рифлением (далее – МЗР) (рис. 11, 6; 12, 2-6). По составу глиняной формовочной массы они отличаются от внешне похожих амфор типа LRA 2 (из-за отсутствия в тесте частиц слюды) и «причерноморских» амфор класса 24 по ХК-95 (из-за обилия примеси мелких частиц известняка, видимых как на поверхности, так и на сколах фрагментов). Это позволяет предположительно (для более точной атрибуции не хватает венчиков и горловых частей сосудов) соотносить их с амфорами группы «Byzantine Globular Amphorae», которые производились во многих центрах Средиземноморья (в Италии, Греции, на островах Эгейского моря, Крите, Кипре, в Северной Африке и Сирии) с конца VII в. до IX в. и являлись в это время основным видом тары для перевозки товаров на территории византийского мира [о них см.: Vroom, 2005, p. 60-61; Gelichi, Negrelli, 2008, p. 307 – 326; Poulou-Papadimitriou, Nodarou, 2014, p. 874-875; Vroom, 2017a, p. 285 – 310; Poulou, 2018, p.195 –216]. На памятниках Крыма такие амфоры изучены все еще слабо, несмотря на попытки их классификации и даже отождествления с хорошо известными здесь амфорами «причерноморского» типа [Голофаст, Евдокимов, 2019, с. 188 –194, 199-200; Сазанов, 2020]. Если наша атрибуция верна, то обнаруженные фрагменты амфор с МЗР из нижнего слоя мощения улицы на месте дворца пополняют небольшое число ранних на полуострове археологических комплексов с «глобулярными» амфорами, происходящих из раскопок Херсона и Сугдеи и датированных концом VIIв. или концом VII – первой половиной VIII в. [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 383, рис. 18; Майко, 2020, с. 34-35, 39-40, 66-68, рис. 20, 1; 26, 3; 31, 2-3, 9; 111, 5-10].

Другие керамические находки из нашего комплекса, синхронные амфорам с МЗР, представлены фрагментами керамид из рыхлого, плохо промешанного глиняного теста с примесью известняка и шамота [анalogии: Моисеев, 2011, с. 177, табл. 2 (тех-

³Определение монеты выполнено А.В. Якушечкиным.

нологическая группа 3)], красноглиняных (2.5 YR 4/8) пифосообразных сосудов с гребенчатым линейно-арочным орнаментом [см.: Герцен, Иванова, Науменко, 2010, с. 259, рис. 19, 7], лепных горшков с подработкой на ручном гончарном круге, с темным в изломе черепком рыхлого теста с примесью шамота (рис. 13, 3) [см.: Герцен, Иванова, Науменко, 2010, с. 260, рис. 20, 1-2] и так называемых красноглиняных (2.5 YR 4/8) кувшинов «скалистинского» типа с ойнохоевидным горлом (рис. 13, 4). За исключением кувшинов-ойнохой, имеющих, по всей видимости, широкую хронологию в пределах VI – X/XI вв. [Науменко, 2009, с. 60 – 63], все остальные виды изделий обычно характеризуют керамический комплекс Мангупа для фемного периода его истории. В таком случае их присутствие в более раннем стратиграфическом контексте указывает на начальный этап изготовления этой керамики.

В целом стратиграфические наблюдения и анализ основных категорий находок из 1-го (нижнего) слоя мощения улицы позволяют датировать археологический комплекс в широких пределах середины VI – первой половины VIII в. Его нижнюю хронологическую границу определяют набор ранневизантийских амфор и херсоно-византийская монета времени Юстиниана I, которая имеет здесь датирующий характер. Очевидно, улица была сооружена вскоре после строительства крепости Мангуп-Дорос около 550 – 565 гг. [Науменко, Герцен, 2022a] и сразу стала главной планировочной структурой на месте жилого квартала в центральной части городища. В таком виде она функционировала, скорее всего, до середины или даже второй половины VIII в., на что указывает небольшое число находок более позднего времени, среди которых наиболее важными являются фрагменты византийских «глобулярных» амфор. Маркером в этом смысле является полное отсутствие в комплексе «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95, производство которых в многочисленных гончарных центрах Южной Таврики начинается не ранее второй половины VIII в. [о них подробнее см.: Науменко, 2009, с. 35 – 47 (тип I и II)].

2-й (средний) горизонт мощения улицы отражает следующий этап ее истории. Он представляет собой единовременную засыпь той же трассы улицы слоем из мелкого камня, щебня и мелких фрагментов керамики мощностью от 0,10 до 0,17 м, по структуре мало чем отличающейся от более раннего горизонта мощения. По сути, речь идет об обычном ремонте объекта поселенческой инфраструктуры в процессе его использования. Основную массу находок составляют фрагменты разнообразной керамики:

Таблица №2.

Улица. 2-й (средний) горизонт мощения. Основные категории находок

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции, в том числе производственный брак	197	26,4%
2	Керамиды и калиптеры VIII – X вв.	42	5,6%

3	Водоотводный керамический желоб	5	Менее 1%
Тарная керамика			
4	Пифосы без точной атрибуции	22	2,9%
5	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв.	3	Менее 1%
6	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 14, 1)	64	8,6%
7	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 14, 2-5)	100	13,4%
8	Амфоры типа LRA 1 (рис. 14, 6-7; 15)	58	7,7%
9	Амфоры типа LRA 2 (рис. 16, 1-3)	47	6,3%
10	Амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, группы ЮЗК и ЮВК (рис. 16, 4-8; 17, 1)	75	10%
11	Амфоры без точной атрибуции	31	4,1%
Кухонная керамика			
12	Лепная керамика VIII – X вв. (рис. 16, 9)	21	2,8%
Столовая керамика			
13	Гончарная керамика без точной атрибуции	29	3,9%
14	Кувшины «скалистинского типа» (рис. 17, 2)	51	6,8%
Всего:		745	100%

Анализируя статистическую таблицу №2, отметим ряд принципиальных отличий между рассматриваемым археологическим комплексом и уже описанным из нижнего горизонта мощения улицы. Прежде всего, обращает внимание резкое увеличение во 2-м слое заполнения улицы процентное содержание строительной (около 33%) и бытовой керамики (13,5%) и, соответственно, значительно меньшее количество фрагментов амфор (чуть более 50%), что уже вполне сопоставимо со структурой обычных археологических комплексов на участках жилой застройки Мангупской крепости в эпоху раннего Средневековья. Другое замечание связано с общей плохой сохранностью археологического материала, из которого около 38% не имеют точной атрибуции. Остальные находки достаточно равномерно распределяются на две хронологические группы – ранневизантийского времени (36%) и датированные второй половиной VIII – первой половиной IX в. (26%).

Ранневизантийская керамика, которая рассматривается в комплексе уже в качестве «примеси снизу», обычной для любого многослойного археологического объекта, представлена описанными выше фрагментами красноглиняных и светлоглиняных амфор класса 1 по ХК-95 (рис. 14, 1), типа V по ХК-71 (14, 2-5), типов LRA 1 (рис. 14, 6-7; 15) и LRA 2 (рис. 16, 1-3). По сравнению с 1-м (нижним) горизонтом мощения улицы совершенно отсутствуют синопские амфоры типа C Snp II-III и палестинские типа LRA 4, а также местная лепная лощеная посуда. Более поздний блок керамики включает, как

и прежде, практически те же виды изделий, за исключением амфор группы «Byzantine Globular Amphorae» – черепицу из рыхлого, плохо промешанного глиняного теста, пифосообразные сосуды с линейно-арочным орнаментом, лепные горшки с подработкой на гончарном круге (рис. 16, 9), кувшины «скалистинского» типа (рис. 17, 2), но самым важным является появление в нем хорошо определяемых фрагментов «причерноморских» амфор – красноглиняных (2.5 YR 6/8) с гладким яйцевидным корпусом и с МЗР в его верхней части класса 24 по ХК-95 группы «Юго-Западный Крым», сформованных из плотного глиняного теста с равномерной примесью частиц известняка (рис. 16, 4-8), и с желобчатым корпусом класса 36 по ХК-95 группы «Юго-Восточный Крым», имеющих темно-красный (10 R 6/8) черепок из рыхлого теста с примесью шамота (рис. 17, 1).

Основной период использования обоих классов «причерноморских» амфор, составляющих во 2 слое улицы большой процент – 39% от числа находок группы VIII – X вв., как известно, приходится на вторую половину VIII – первую половину Хв. [Науменко, 2009, с. 43, 46]. Однако в нашем распоряжении имеются возможности для значительного сужения этой даты. Во-первых, в комплексе отсутствуют фрагменты высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63 – 66; Науменко, 2009, с. 50 – 57] и византийской поливной керамики группы «Glazed White Ware» (далее – GWW-II) [Hayes, 1992, p. 18–29; Vroom, 2005, p. 74–77; о географии ее находок см.: Vroom, 2017б, p. 178, fig. 13.3], которые являются маркерами для культурных горизонтов средневизантийского времени, начиная со второй половины IX в. Во-вторых, стратиграфически рассматриваемый горизонт мощения улицы соотносится с функционированием расположенной рядом хозяйственной ямы №81, датированной первой половиной – серединой IX в. (рис. 3) [Науменко, 2022, с. 175-176, рис. 12]. После этого яма была засыпана и перекрыта, как и улица, 8-м слоем на участке исследований, который сформировался после строительства нового жилого квартала в этой части крепости. Таким образом, ремонт улицы, повышение ее уровня за счет нового горизонта мощения и использование в таком виде следует ограничить первой половиной – серединой IX в.

Индивидуальные находки из 2 слоя улицы достаточно разнообразны, однако все они не имеют узкой датировки. Представлены красноглиняным плоским пряслищем (рис. 16, 10), фрагментами прозрачного зеленоватого цвета оконного стекла и стеклянных сосудов (рюмок?) на низком кольцевом поддоне (рис. 17, 3-6), свинцовым плоским грузиком с отверстием (рис. 17, 7), серебряной подвеской в виде согнутой пластины с округлым завершением (рис. 17, 8), бронзовой деталью для крепления в виде пластины с 3 отверстиями (рис. 17, 9), щитком от медного перстня с орнаментом в виде 7-лепестковой розетки в технике тиснения (рис. 17, 10), фрагментом медной цепи для подвешивания (рис. 17, 11) и железным черешковым трехлопастным наконечником стрелы (рис. 17, 12). Отметим также большое количество в слое кусков крицы (всего 16) и костей животных без следов обработки (всего 107).

Наиболее поздний 3 (верхний) горизонт мощения улицы в виде «брусчатки» из мелкого бутового камня мощностью 0,10-0,15 м, сформировался, как уже отмеча-

лось, при строительстве квартала фемного периода в истории Мангупа на месте дворца. Структура археологического комплекса находок из «брусчатки» и ее грунтовой подосновы – 8 слоя, перекрывшего все более ранние строительные остатки на участке исследований, представлена в статистической таблице №3:

Таблица №3.

Улица. 3-й (верхний) горизонт мощения. Основные категории находок

№п/п	Категории керамических находок	Всего (Фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции, в том числе производственный брак	207	36,4%
2	Керамиды и калиптеры VIII – X вв.	6	Около 1%
Тарная керамика			
3	Пифосы без точной атрибуции	10	1,7%
4	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII – X вв. (рис. 18, 4)	25	4,4%
5	Амфоры класса 1 по ХК-95	17	3%
6	Амфоры типа V по ХК-71	73	12,8%
7	Амфоры типа LRA 1	18	3,1%
8	Амфоры типа LRA 2	10	1,7%
9	Амфоры класса 24 по ХК-95, группа ЮЗК (рис. 18, 1-3)	86	15,1%
10	Амфоры класса 36 по ХК-95, группа ЮЗК (рис. 18, 5)	30	5,2%
11	Амфоры класса 36 по ХК-95, группа ЮВК (рис. 18, 6; 19, 1-2)	10	1,7%
12	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	13	2,2%
Кухонная керамика			
13	Лепная керамика VIII – X вв.	16	2,8%
14	Гончарная керамика без точной атрибуции	24	4,2%
Столовая керамика			
15	Византийская поливная керамика группы GWW-II (рис. 18, 7)	1	Менее 1%
16	Кувшины «скалистинского типа»	17	3%
17	Гончарная керамика без точной атрибуции	6	Около 1%
Всего:		569	100%

Исходя из данных в таблице, процентное соотношение основных функциональных групп керамических изделий здесь в сравнении с более нижним горизонтом мощения улицы остается практически таким же: большинство фрагментов принадлежит тарной керамике (пифосам и амфорам) – 52%, содержание бытовых сосудов и кровельной черепицы значительно меньше, соответственно 11% и 37%. Также большое количество керамики не имеет точной атрибуции (более 43%). Пожалуй, главным отличием является снижение процентной доли материала ранневизантийского времени (всего около 20%) и увеличение числа более поздних находок IX-X вв. (до 37%).

Все ранневизантийские амфоры (класса 1 по ХК-95, типа V по ХК-71, типов LRA 1 и LRA 2) рассматриваются в комплексе в качестве «примеси снизу». Датирующий характер имеют находки более позднего времени – черепица из рыхлого, плохо промешанного глиняного теста, пифосообразные сосуды с линейно-арочным орнаментом (рис. 18, 4), лепные горшки с подработкой на гончарном круге, кувшины «скалистинского» типа, «причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 (рис. 18, 1-3, 5-6; 19, 1-2) и особенно появляющиеся впервые фрагменты высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 и византийской поливной керамики группы GWW-II, покрытой монокромной желтой глазурью изнутри и зеленой снаружи (рис. 18, 7). Как уже отмечалось, высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95 и поливная керамика группы GWW-II являются важнейшими хроноиндикаторами для археологических памятников в Крыму, начиная со второй половины IX в., но особенно характерной становится их присутствие в комплексах X в. Поэтому небольшое количество таких находок в верхнем горизонте заполнения нашей улицы, очевидно, указывает на вторую половину – конец IX в. как на наиболее вероятную датировку ее очередного ремонта. Верхний хронологический рубеж улицы с 3 слоем мощения, скорее всего, должен быть соотнесен с датой прекращения функционирования квартала фемного периода на месте Мангупского дворца, то есть с первой половиной XI в. [Науменко, 2020, с. 176-177].

Группа индивидуальных изделий из слоя в целом невыразительна. Практически все находки не имеют точной хронологии – фрагменты прозрачного оконного стекла зеленоватого цвета, точильных брусков из песчаника, железных гвоздей, костей животных без следов обработки (всего 92), куски крицы, грибовидная свинцовая заклепка (рис. 18, 8), обломок рыболовного грузила (?) из свинцового валика (рис. 19, 3), медная, покрытая плакировкой из желтого металла накладка в виде трехлучевой лунницы (рис. 19, 4) и сильно деформированная медная подвеска каплевидной формы (рис. 19, 5). Исключением в этом смысле является византийская свинцовая печать с изображением на аверсе орла с высоко поднятыми крыльями и шестилучевой звезды в круге над его головой и крестообразной монограммы на оборотной стороне (рис. 19, 6). К сожалению, расшифровать монограмму печати, в которой просматриваются лишь отдельные греческие буквы и лигатуры, указывающие, вероятно, на имя, титул и должность

ее владельца, пока не удалось⁴. Можно лишь сказать, что типологически такие меливдовулы обычно датируются в византийской сфрагистике периодом 550 – 650 гг. [Zacos, Vegler, 1972, p. 533, nr. 697, pl. 70, 697; Соколова, 1998, с. 301]. В таком случае нашу находку следует соотнести с наиболее ранними (ранневизантийского времени) археологическими материалами на участке исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Подведем наиболее общие итоги нашего исследования. Анализ археологических комплексов находок из различных горизонтов мощения улицы на месте Мангупского дворца позволяет сделать заключение о ее длительном и непрерывном функционировании на протяжении середины VI – первой половины XI в. Сооруженная, вероятно, вскоре после строительства на Мангупском плато большой византийской крепости, она продолжала выступать в роли важного инфраструктурного объекта планировки городища вплоть до конца фемного периода в его истории. Выделенные в ходе раскопок два крупных ремонта улицы – первой половины и ближе к концу IX в. были вызваны, скорее всего, не какими-то серьезными военно-политическими катаклизмами, но лишь естественными разрушениями полотна дорожной коммуникации в процессе ее использования. Важнейшим выводом является констатация сохранения изначальной планировки и строительной техники археологического объекта в течение всего периода его функционирования.

Зафиксированная строительная техника при сооружении и ремонтах улицы на Мангупе, характерной чертой которой выступает целенаправленное многослойное мощение ее трассы почти сплошными горизонтами из битой керамики и мелкого камня, имеет множество примеров из раскопок других крупных раннесредневековых городов и крепостей в Крыму [Макарова, 1965, с. 73-74, рис. 29, 31; 1991, с. 124 – 127, рис. 2, 4], на Таманском полуострове [Плетнева, 1981, с. 16, рис. 6; Чхайдзе, 2008, с. 140; 2012, с. 123] и за их пределами [см., например: Streinu, Achim, 2021]. Поэтому ценность результатов археологического изучения такой улицы в центральной части Мангупского городища заключается не в констатации данной особенности строительной культуры на памятнике, а в возможности проследить эволюцию выявленного вещественного комплекса находок и точно датировать его.

Открытие раннесредневековой улицы на Мангупе является важным свидетельством регулярной застройки на памятнике в это время, что, как правило, присуще поселениям городского типа. Конечно, на одном примере невозможно сделать полноценный вывод о степени урбанизированности территории Мангупской крепости в ранневизантийское и средневизантийское время. Однако сам факт появления такого рода археологического объекта следует уже сейчас рассматривать в качестве серьезного мотивационного фактора для детального изучения исторической топографии городища в этом научном направлении.

⁴Предварительная атрибуция печати принадлежит Н.А. Алексеенко.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. 176 с.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иващута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Т. 7. С. 81–107.
- Внуков С.Ю.* Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. №4. С. 5–15.
- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.* Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X в.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Географическая среда и социум»: материалы конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2015. С. 88–100.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. №9. С. 247–258.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Актуальные задачи изучения исторической периодизации Мангупского городища // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь, 2019. С. 34–38.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А.* Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований»: материалы конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2019. С. 139–148.
- Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
- Голофаст Л.А.* Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68–128.
- Голофаст Л.А., Евдокимов П.А.* К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83. 180 с.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.
- Майко В.В.* Сугдея в конце VII – первой половине X в. Симферополь, 2020. 312 с.
- Макарова Т.М.* Средневековый Корчев // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 70–76.
- Макарова Т.М.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 121–146.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. 348 с.

- Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной балке (Мангуп) // Древности-2011. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 172–190.
- Науменко В.Е. Пифосы, амфоры, высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками, фляги, столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I: Археологические комплексы второй половины VIII–X вв. Симферополь; Керчь, 2009. С. 32–64 (Bosporos Studies. Supplementum 5).
- Науменко В.Е. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского форума «Pax Tartarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды» / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. Москва; Казань, 2020. С. 232–249.
- Науменко В.Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 166–208.
- Науменко В.Е., Герцен А.Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // XXIII Всероссийская сессия византинистов РФ «Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus...»: тезисы докладов / отв. ред. С.П. Карпов, ред. кол. М. В. Грацианский, В.В. Майко. Симферополь, 2022а. С. 126–130.
- Науменко В.Е., Герцен А.Г. Основные итоги археологического изучения Мангупского княжеского дворца в 2006–2021 гг. // I Солхатские чтения «Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма»: сборник научных трудов конференции / ред.-сост. Э.И. Сейлалиев, Р.Р. Кадыров. Симферополь, 2022б. С. 45–53.
- Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К. Историческая топография Мангупа фемного периода. Новые материалы археологических исследований // XIV Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2022. С. 165–178.
- Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И. Османская археология в Крыму // История крымских татар: в 5 томах. Т. III. История Крымского ханства XV–XVIII вв.: коллективная монография / отв. ред. И.В. Зайцев. Казань, 2021. С. 81–112.
- Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2. С. 9–19.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 169 с.
- Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 60–72.
- Сазанов А.В. Амфоры «саротты» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // Боспорский сборник. 1995. №6. С. 185–196.
- Сазанов А.В. Глобулярные амфоры причерноморского типа (Crimean Globular Amphorae) и проблемы хронологии комплексов VIII–IX вв. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара, 2020. Т. II. С. 266–268.
- Сазанов А.В. Амфоры типа C Snr I: типология и хронология // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции. Москва, 2021. С. 244–248.

- Смокотина А.В.* Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
- Смокотина А.В.* Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Симферополь; Керчь, 2020. С. 509–618 (Bosporos Studies. Supplementum).
- Соколова И.В.* О некоторых критериях датировки орлов на византийских печатях VI – первой половины VIII в. // Нумизматический сборник: к 80-летию В.М. Потина. Санкт-Петербург, 1998. С. 301–310.
- Чахидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. Москва, 2008. 328 с.
- Чахидзе В.Н.* Фанагория в VI–X вв. Москва, 2012. 590 с.
- Яacobson А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград, 1979. 164с.
- Gelichi S., Negrelli C.* Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age. 2008. Т. 120/2. P. 307–326.
- Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
- Kassab Tezgör D.* Typologie des amphores Sinopeennes entre le II-III et le VI s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope / ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2009. P. 121–140.
- Keay S.J.* Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A Typology and Economic Study: the Catalan Evidence. Oxford, 1984. 398 p. (BAR IS 196 (i)).
- Opař A.* Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD): Aspects of the Economic Life in the Province of Scythia. Oxford, 2004. 180 p. (BAR IS 1274).
- Pieri D.* Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V–VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. 329 p.
- Poulou N.* Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? // Byzantina. 2018. Т. 35. P. 195–216.
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E.* Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study // Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Vol. I / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford, 2014. P. 873–883.
- Riley J.A.* The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic Life at Berenice. Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91–465.
- Riley J.A.* The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Ann Arbor, 1981. Vol. VI. P. 85–124.
- Sazanov A.V.* Les amphores de l'Antiquité Tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiéenne Méditerranée. Actes du VI Congrès de L'AIECM2. Aix-en-Provence, 1997. P. 87–102.
- Sazanov A.V.* Les amphores LRA 4. Problèmes de typologie et de chronologie // LRCW 5-2. Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry / ed. by D. Dixneuf. Alexandrie, 2017. P. 629–650.
- Sodini J.-P., Villeneuve E.* Le passage de la céramique Byzantine à la céramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance à L'Islam (VII-VIII siècles). Damas, 1992. P. 195–212.

- Streinu A., Achim I. A Street with a View over the Centuries. The Ceramic Material from the Street A in front of the Crypt Basilica at Histria // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2021. No. 8.4. P. 127–155.
- Swan V.G. Dichin (Bulgaria): The Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the Fifth and Sixth centuries A.D. // *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi and Trabzon, 27–29 Avril 2006* / éd. par D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Paris, 2009. P. 107–118.
- Vnukov S.Yu. «Colchean» Amphorae from Abkhazia // *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007* / ed. by Ch. Tzochev, T. Stoyanov and A. Bozkova. Sofia, 2011. P. 271–278.
- Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, 2005. 224 p.
- Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni / eds. S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 2017a. P. 285–310.
- Vroom J. *Ceramics // The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks* / ed. by Ph. Niewöhner. Oxford, 2017b. P. 176 – 193.
- Zacos G., Vegler A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. I, part I. 704 p.

REFERENCES

- Anohin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)*. Kiev, 1977, 176 p.
- Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. *Srednevekovye amfory Hersonesa. Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1971, vol. 7, pp. 81–107.
- Chkhaidze V.N. *Tamatarha. Rannesrednekovy gorod na Tamanskom poluostrove*. Moskva, 2008, 328 p.
- Chkhaidze V.N. *Fanagoriya v VI-X vv*. Moskva, 2012, 590 p.
- Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*, 2008, vol. 120/2, pp. 307–326.
- Gercen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. *Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastroyki (seredina IX – nachalo H vv.)*. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2010, vol. XVI, pp. 240–295.
- Gercen A.G., Naumenko V.E. *Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogenyj i prirodno-geograficheskij kontekst. XVI Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium»: materialy konferencii* / eds. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Kerch', 2015. S. 88–100.
- Gercen A.G., Naumenko V.E. *K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. Zolotoordynskaya civilizaciya*. Kazan', 2016, no. 9, pp. 247–258.
- Gercen A.G., Naumenko V.E. *Aktual'nye zadachi izucheniya istoricheskoy periodizacii Mangupskogo gorodishcha. Problemy istorii i arheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu A. I. Ajbabina* / ed. E.A. Khajredinova. Simferopol', 2019, pp. 34–38.

- Gercen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy knyazheskogo dvorca Mangupskogo gorodishcha. *XX Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy»: materialy konferencii / eds. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Simferopol', Kerch', 2019, pp. 139–148.*
- Gercen A.G., Zemlyakova A. Yu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, vol. XII, pp. 371–494.
- Golofast L.A. Steklo rannevizantijskogo Khersona. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2001, vol. VIII, pp. 97–260.
- Golofast L.A. Zapadnyj rajon Khersonesa v rannevizantijskoe vremya. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2007, vol. XIII, pp. 68–128.
- Golofast L.A., Evdokimov P.A. K voprosu o vremeni bytovaniya amfor s melkim zonal'nym rifleniem (po materialam raskopok v Fanagorii). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2019, vol. XXIV, pp. 186–216.
- Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyj rajon Khersonesa v rannevizantijskoe vremya (kvartaly VIII i IX). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 363–411.
- Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2: The Pottery. Princeton, 1992, 455 p.
- Kassab Tezgör D. Typologie des amphores Sinopeennes entre le II-III et le VI s. ap. J.-C. *Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope / ed. D. Kassab Tezgör*. Paris, 2009, pp. 121–140.
- Keay S.J. *Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A Typology and Economic Study: the Catalan Evidence*. Oxford, 1984, 398 p. (BAR IS 196 (i)).
- Majko V.V. *Sugdeya v konce VII – pervoj polovine X vv.* Simferopol', 2020, 312 p.
- Makarova T.M. Srednevekovyj Korchev. *Kratkije soobschenija Instituta archeologii*, 1965, vol. 104, pp. 70–76.
- Makarova T.M. Bospor-Korchev po arheologicheskim dannym. *Vizantijskaya Tavrika*. Kiev, 1991, pp. 121–146.
- Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo perioda»*. Simferopol', 2007, 348 p.
- Moiseev D.A. Arheologicheskij kompleks stroitel'noj keramiki IX-X vv. iz raskopok poseleniya v Lagernoj balke (Mangup). *Drevnosti-2011*. Khar'kov, 2011, vol. 10, pp. 172–190.
- Naumenko V.E. Pifosy, amfory, vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami, flyagi, stolovaya posuda. *Zin'ko V.N., Ponomarev L. Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. T. I: Arheologicheskie komplekсы vtoroj poloviny VIII-X vv.* Simferopol', Kerch', 2009, pp. 32–64 (Bosporos Studies. Supplementum 5).
- Naumenko V.E. Ob istoricheskoy topografii i politiko-administrativnom statute Mangupa v zolotoordynskij period. *Oazisy shelkovogo puti: istoricheskie istoki integracionnyh processov v Evrazii: materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma «Pax Tatarica: genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoj Ordj» / ed. I.M. Mirgaleev*. Moskva, Kazan', 2020, pp. 232–249.
- Naumenko V.E. Mangup-Doros v femnyj period istorii. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2022, vol. XXVII, pp. 166–208.
- Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gancev V.K. Istoricheskaya topografiya Mangupa femnogo perioda. *Novye materialy arheologicheskikh issledovaniy. XIV Mezhdunarodnyj Vizantijskij*

- seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiya» i «polis». Materialy nauchnoj konferencii / ed. N.A. Alekseenko. Simferopol', 2022, pp. 165–178.*
- Naumenko V.E., Gercen A.G. O vremeni stroitel'stva vizantijskoj kreposti na Mangupe. Sushchestvuyut li osnovaniya dlya vozobnovleniya diskussii? XXIII Vserossiyskaya sessiya vizantinistov RF «Vizantijskij «krug zemel'». *Orbis terrarum Byzantinus...»: tezisy dokladov / eds. S.P. Karpov, M. V. Gracianskij, V.V. Majko. Simferopol', 2022a, pp. 126–130.*
- Naumenko V.E., Gercen A.G. Osnovnye itogi arheologicheskogo izucheniya Mangupskogo knyazheskogo dvorca v 2006-2021 gg. *I Solhatskie chteniya «Prichernomor'e v epohu globalizacii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma»: sbornik nauchnyh trudov konferencii / eds. E.I. Sejdaliev, R.R. Kadyrov. Simferopol', 2022b, pp. 45–53.*
- Naumenko V.E., Sejdaliev E.I. Osmanskaya arheologiya v Krymu. Istoriya krymskikh tatar: v 5-ti tomah. T. III. *Istoriya Krymskogo hanstva XV-XVIII vv.: kollektivnaya monografiya / ed. I.V. Zajcev. Kazan', 2021, pp. 81–112.*
- Opaiț A. *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD): Aspects of the Economic Life in the Province of Scythia.* Oxford, 2004, 180 p. (BAR IS 1274).
- Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V-VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule.* Beyrouth, 2005, 329 p.
- Pletneva S.A. Drevnie bolgary v bassejne Dona i Priazov'ya. *Pliska-Preslav.* Sofiya, 1981, vol. 2, pp. 9–19.
- Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? *Byzantina*, 2018, vol. 35, pp. 195–216.
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study. *Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Vol. I / eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou.* Oxford, 2014, pp. 873–883.
- Riley J.A. *The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic Life at Berenice.* Tripoli, 1979, vol. II, pp. 91–465.
- Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3. *Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan.* Ann Arbor, 1981, vol. VI, pp. 85–124.
- Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantijskogo Khersona.* Ekaterinburg, 1995, 169 p.
- Sazanov A.V. Amfornyj kompleks pervoj chetverti VII v. n.e. iz Severo-Vostochnogo rajona Khersonesa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1991, vol. II, pp. 60–72.
- Sazanov A.V. Amfory «carottes» v Severnom Prichernomor'e rannevizantijskogo vremeni. Tipologiya i hronologiya. *Bosporskij sbornik*, 1995, no. 6, pp. 185–196.
- Sazanov A.V. Les amphores de l'Antiquité Tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire. *La céramique médiéven Méditerranée. Actes du VI Congrès de L'AIECM2.* Aix-en-Provence, 1997, pp. 87–102.
- Sazanov A.V. Les amphores LRA 4. Problèmes de typologie et de chronologie. *LRCW 5-2. Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry / ed. by D. Dixneuf.* Alexandrie, 2017, pp. 629–650.
- Sazanov A.V. Globulyarnye amfory prichernomorskogo tipa (Crimean Globular Amphorae) i problemy hronologii kompleksov VIII-IX vv. *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s»ezda.* Samara, 2020, vol. II, pp. 266–268.

- Sazanov A. V. Amfory tipa C Snp I: tipologiya i hronologiya. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moskva, 2021, pp. 244–248.
- Smokotina A. V. Amfory LR 1 na Bospore *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, vol. XIX, pp. 68–87.
- Smokotina A. V. Amfory pozdnerimskogo i rannevizantijskogo vremeni. *Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. T. III: Arheologicheskie komplekсы vtoroj poloviny III-VII vv. Simferopol', Kerch'*, 2020, pp. 509–618 (Bosporos Studies. Supplementum).
- Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la céramique Byzantine à la céramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie. *La Syrie de Byzance à L'Islam (VII-VIII siècles)*. Damas, 1992, pp. 195–212.
- Sokolova I. V. O nekotoryh kriteriyah datirovki orlov na vizantijskih pechatyah VI – pervoj poloviny VIII vv. *Numzmaticheskij sbornik: k 80-letiyu V.M. Potina*. Sankt-Peterburg, 1998, pp. 301–310.
- Streinu A., Achim I. A Street with a View over the Centuries. The Ceramic Material from the Street A in front of the Crypt Basilica at Histria. *Journal of Ancient History and Archaeology*, 2021, no. 8.4, pp. 127–155.
- Swan V.G. Dichin (Bulgaria): The Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the Fifth and Sixth centuries A.D. PATABS I. *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi and Trabzon, 27-29 Avril 2006 / éd. par D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili*. Paris, 2009, pp. 107–118.
- Vnukov S. Yu. «Colchean» Amphorae from Abkhazia. PATABS II. *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007 / ed. by Ch. Tzochev, T. Stoyanov and A. Bozkova*. Sofia, 2011, pp. 271–278.
- Vnukov S. Yu. Amfornoe proizvodstvo na territorii Abhazii v epohu ellinizma i rimskoe vremya. *Rossijskaya arheologiya*, 2012, no. 4, pp. 5–15.
- Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, 2005, 224 p.
- Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean. *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo). Scambi, porti, produzioni / eds. S. Gelichi, C. Negrelli*. Venice, 2017a, pp. 285–310.
- Vroom J. Ceramics. *The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks / ed. by Ph. Niewöhner*. Oxford, 2017b, pp. 176 – 193.
- Yakobson A. L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki. Leningrad, 1979, 164 p.
- Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972, vol. I, part I, 704 p.
- Zeest I. B. Keramicheskaya tara Bospora. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1960, no. 83, 180 p.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Amfornyj sklad iz raskopok rannevizantijskoj Tiritaki. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2019, vol. XXIV, pp. 173–185.

Резюме

В ходе раскопок Мангупского дворца в 2019–2021 гг. была открыта раннесредневековая улица на месте застройки середины IX – середины XI в., предшествующей дворцовому комплексу 1425–1475 гг. Этот строительный горизонт является наиболее презентабельным среди

всех строительных ярусов додворцового времени на памятнике и включает, кроме улицы, еще девять руинированных жилых построек и скальную виноградодавильню. Он отличается высоким уровнем спланированности территории, каменным домостроительством и регулярным типом застройки, что является важным аргументом в пользу гипотезы о городском характере поселения на Мангупе уже в это время. Особенностью археологического изучения улицы является несколько уровней мощения из фрагментов керамики и мелкого камня. Анализ археологических комплексов находок свидетельствует, что улица была построена вскоре после строительства византийской крепости на Мангупе в период 550–565 гг. и продолжала без особых изменений функционировать вплоть до первой половины XI в. В ее истории выделяются два крупных ремонта, датированных первой половиной и концом IX в.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, Дорос, город, улица, ранневизантийская керамика, византийская фема.

Summary

During the excavations of the Mangup's palace in 2019–2021 an early medieval street was opened on the Site of buildings built in the middle of the 9th - the middle of the 11th centuries, preceding the Palace Complex of 1425–1475. This building horizon is the most representative among all the building tiers of the Pre-Palace period on the monument and includes, in addition to the street, nine ruined residential buildings and a rock wine-press. It is distinguished by a high level of planning of the territory, stone housing construction and a regular type of building, which is an important argument in favor of the hypothesis about the urban character of the settlement on Mangup already at that time. A feature of the archaeological study of the street is several levels of paving from fragments of ceramics and small stones. An analysis of the archaeological complexes of the finds indicates that the street was built shortly after the construction of the Byzantine fortress on Mangup in the period 550–565 and continued to function without any changes until the first half of the 11th century. Two major repairs stand out in its history, dated from the first half and the end of the 9th century.

Key words: South-Western Crimea, Mangup, Doros, city, street, early byzantine ceramics, byzantine theme.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Науменко Валерий Евгеньевич, к. и. н.,
доцент кафедры археологии и всеобщей истории
ФГАОУ «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, Симферополь, просп. Вернадского, 4,
byzance@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Naumenko, Valery E., PhD (History),
Associate Professor of Department
of Archeology and World History,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky Ave., Simferopol,
295007, Russian Federation,
byzance@rambler.ru

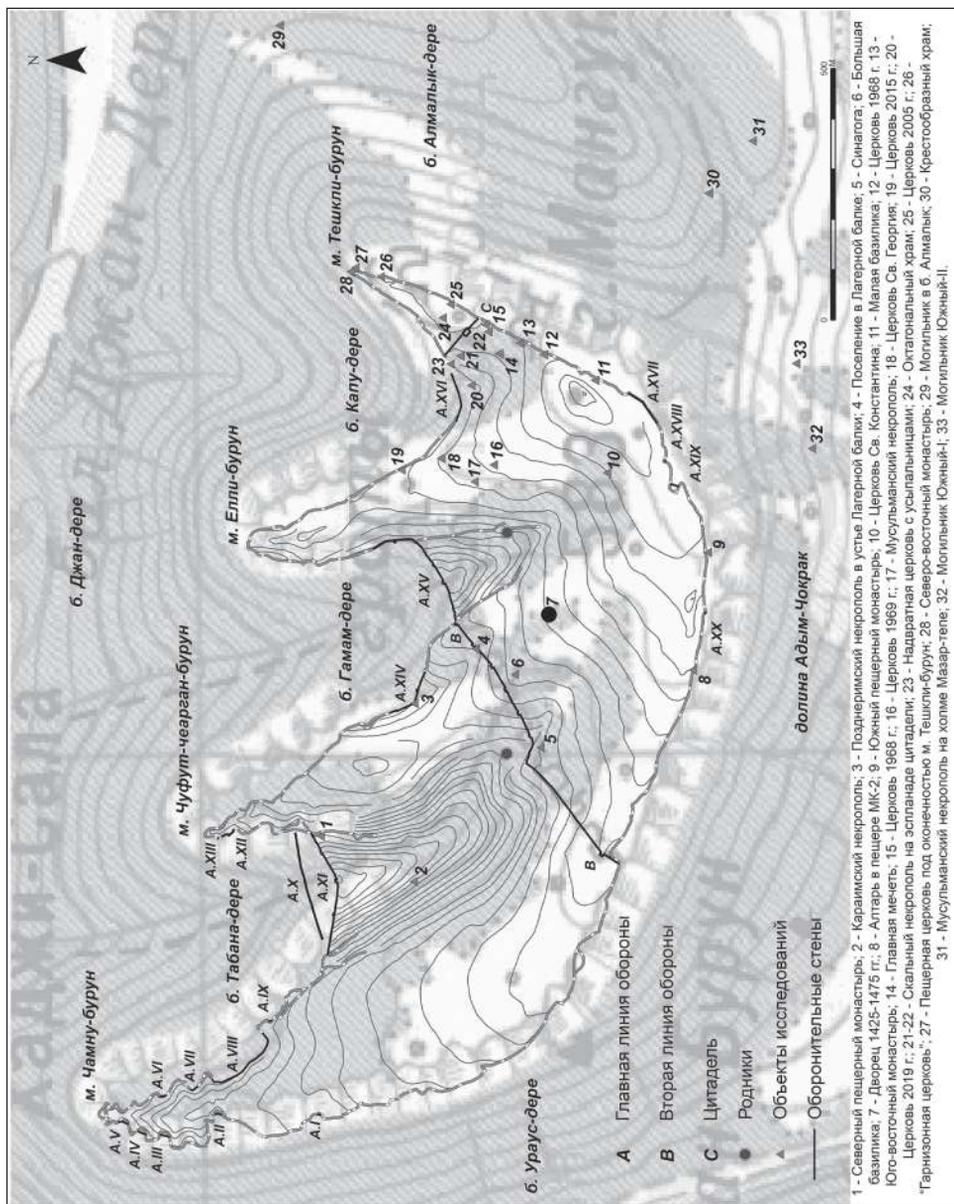

Рис. 1. Общий план Мангульского городища с указанием основных объектов археологических исследований.

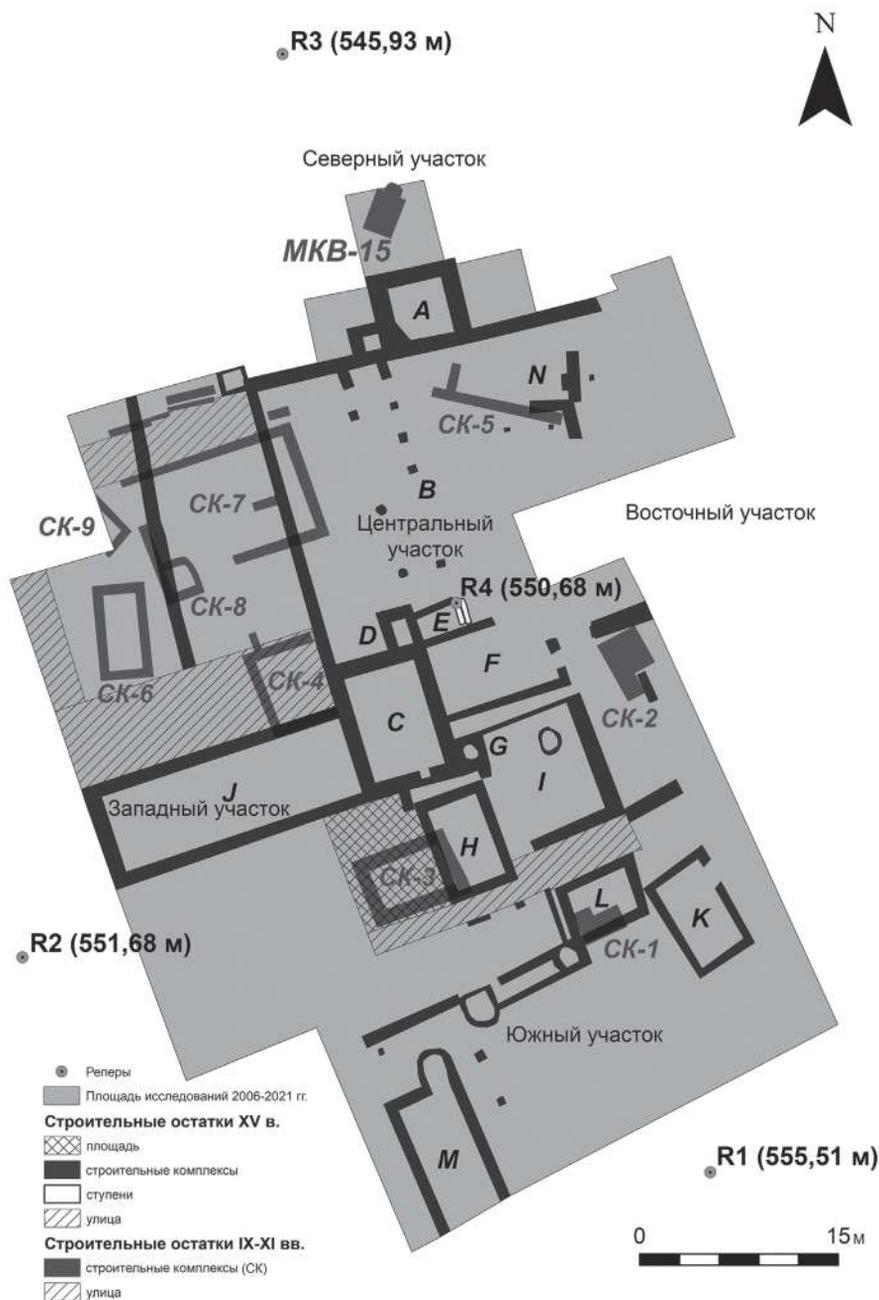

Рис. 2. Дворец. Общий план участка исследований 2006–2010, 2014–2021 гг. с указанием строительных остатков IX–XI и XV вв. (по: Науменко, 2022, с. 193, рис. 9).

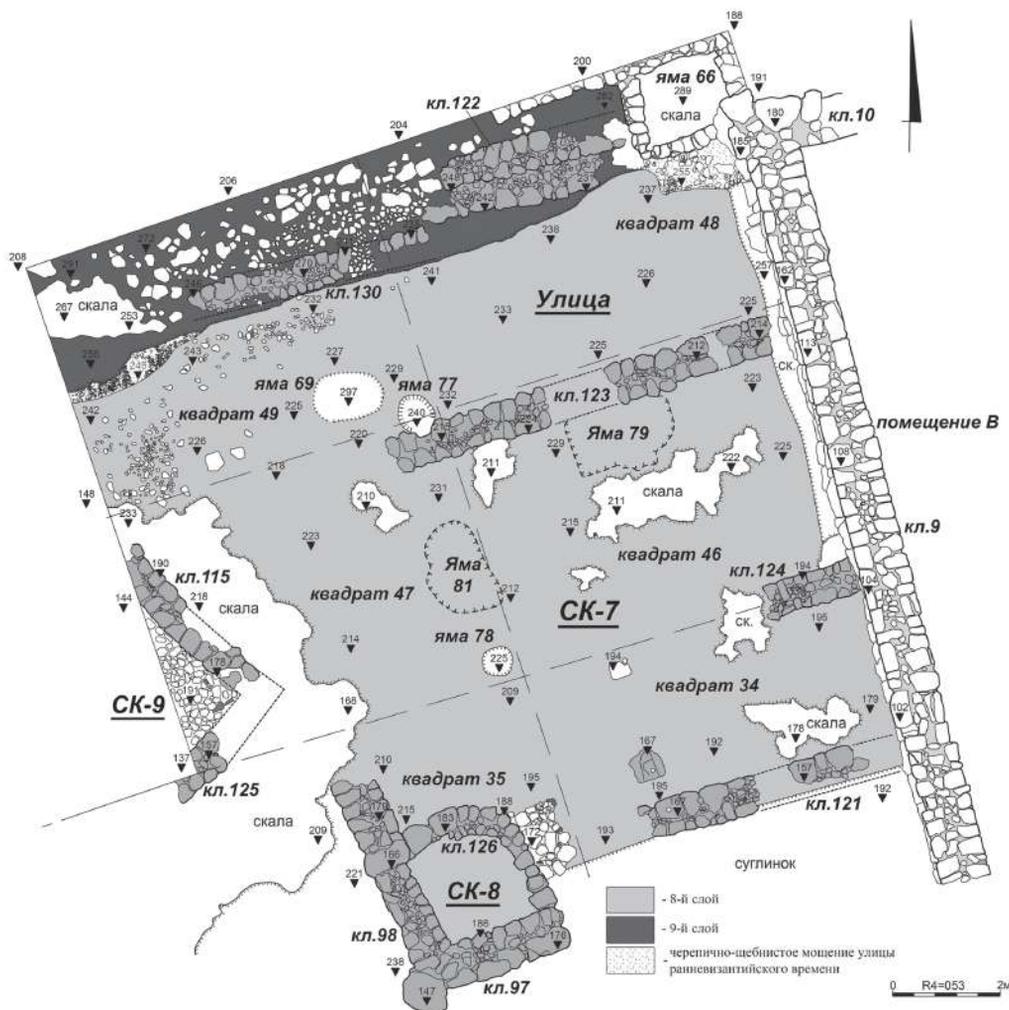

Рис. 3. Дворец. Западный участок исследований. Общий план яруса застройки середины IX – середины XI в. по уровню ее дневной поверхности (8-го слоя). Ямы № 79 и 81 датируются первой половиной – серединой IX в. и, соответственно, предшествуют ему, яма № 69 относится к более позднему строительному горизонту золотоордынского времени (конца XIII – XIV в.); яма № 66 и помещение В – сооружения дворца 1425–1475 гг. (по: Науменко, 2022, с. 194, рис. 10).

Рис. 4. Дворец. Западный участок исследований. Улица. 1 – общий вид с востока по уровню 1-го (нижнего) слоя мощения; 2 – общий вид с запада по уровню 2-го (среднего) слоя мощения. Аэрофото, 2021 г.

Рис. 5. Дворец. Западный участок исследований. Улица. 1 – общий вид с востока по уровню 3-го (верхнего) слоя мощения, сохранившийся фрагмент слева, вдоль стратиграфической бровки (фото 2020 г.); 2 – фрагмент каменной «брусчатки» на 8-м слое в восточной части квадрата №48, вид с северо-востока (фото 2019 г.).

Рис. 6. Дворец. Западный участок исследований. Общий вид квартала IX–XI вв. с улицей по уровню 8-го слоя. Аэрофото, 2021 г.

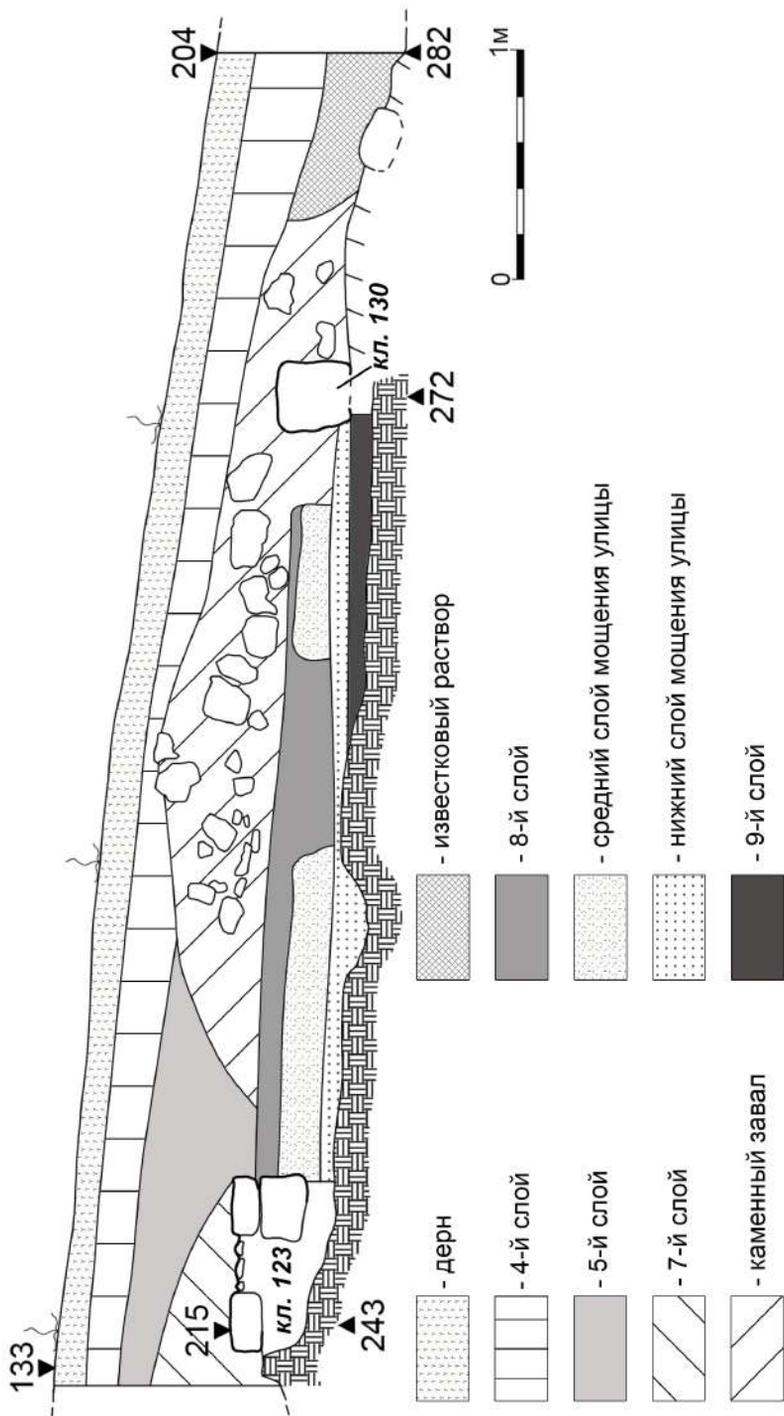

Рис. 7. Дворец. Западный участок исследований. Улица. Стратиграфический профиль по линии квадратов №46 и 48: 4-й слой – слой разрушения двorca (конца XV – начала XVI в.), 5-й слой – слой функционирования дворцового комплекса (около 1425 – 1475 гг.), 7-й слой – слой функционирования застройки золотоордынского времени на месте двorca (конца XIII–XIV вв.), 8-й слой – слой функционирования квартала IX–XI вв., 9-й слой – дневная поверхность ранневизантийского времени (середины VI – VIII вв.).

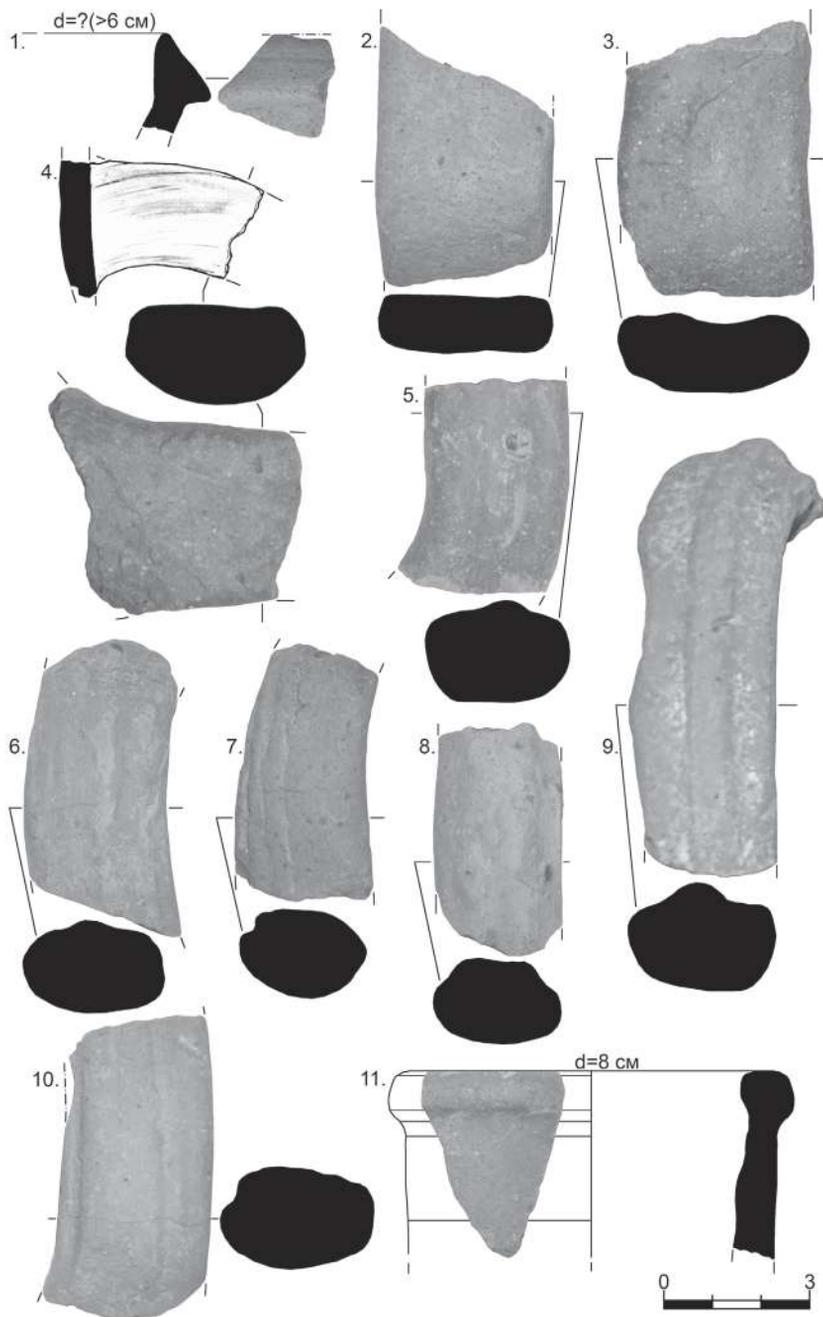

Рис. 8. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 1-го (нижнего) горизонта мощения улицы.

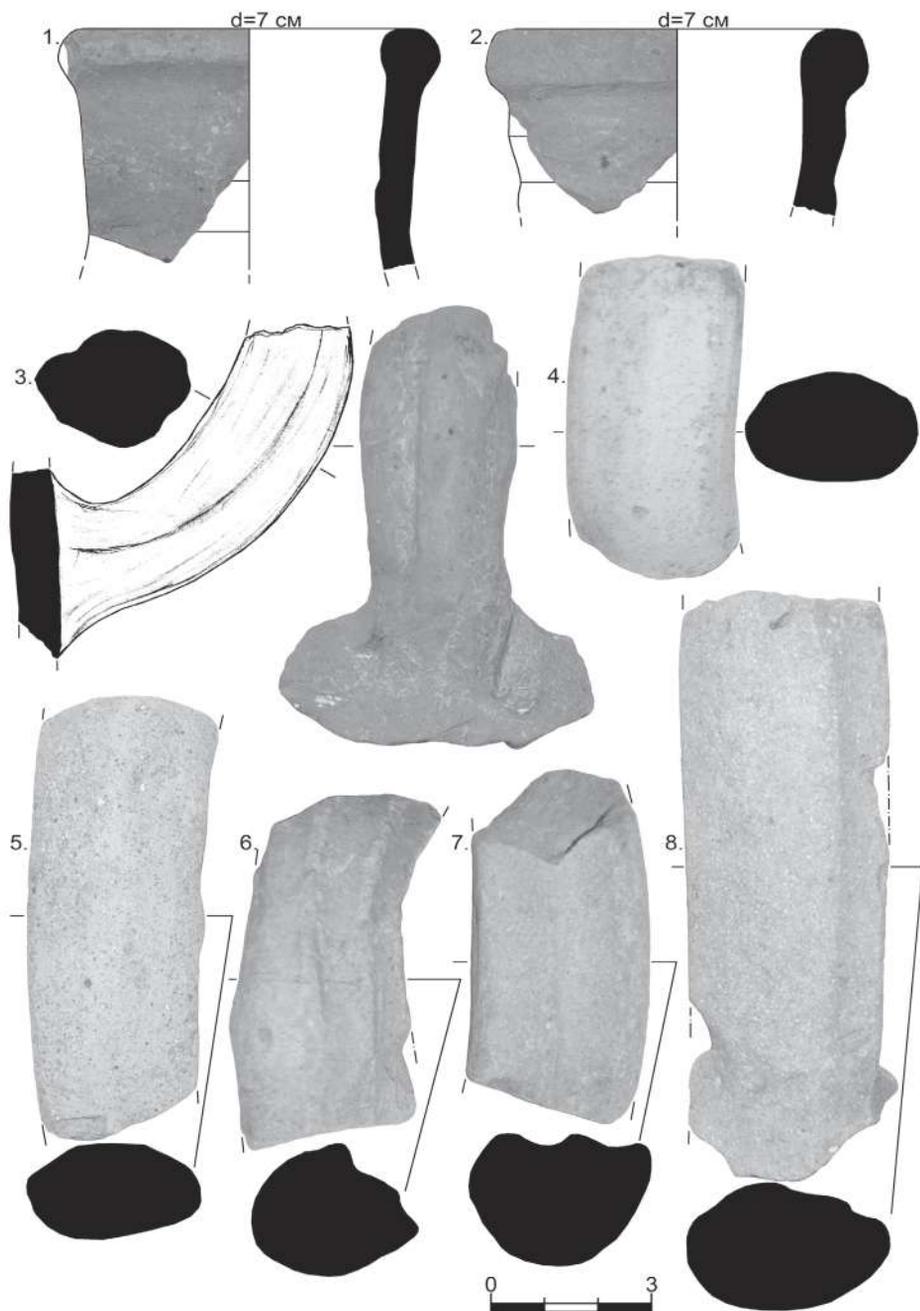

Рис. 9. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 1-го (нижнего) горизонта мощения улицы.

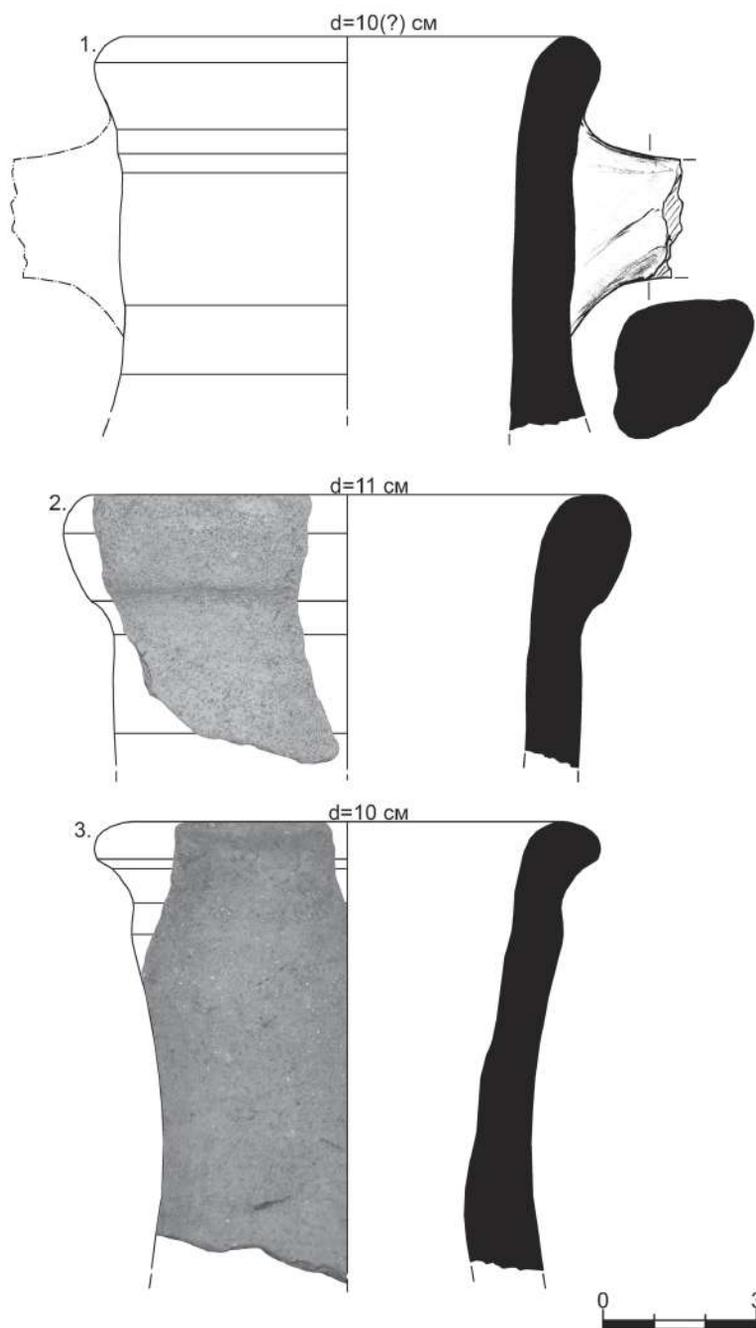

Рис. 10. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 1-го (нижнего) горизонта мощения улицы.

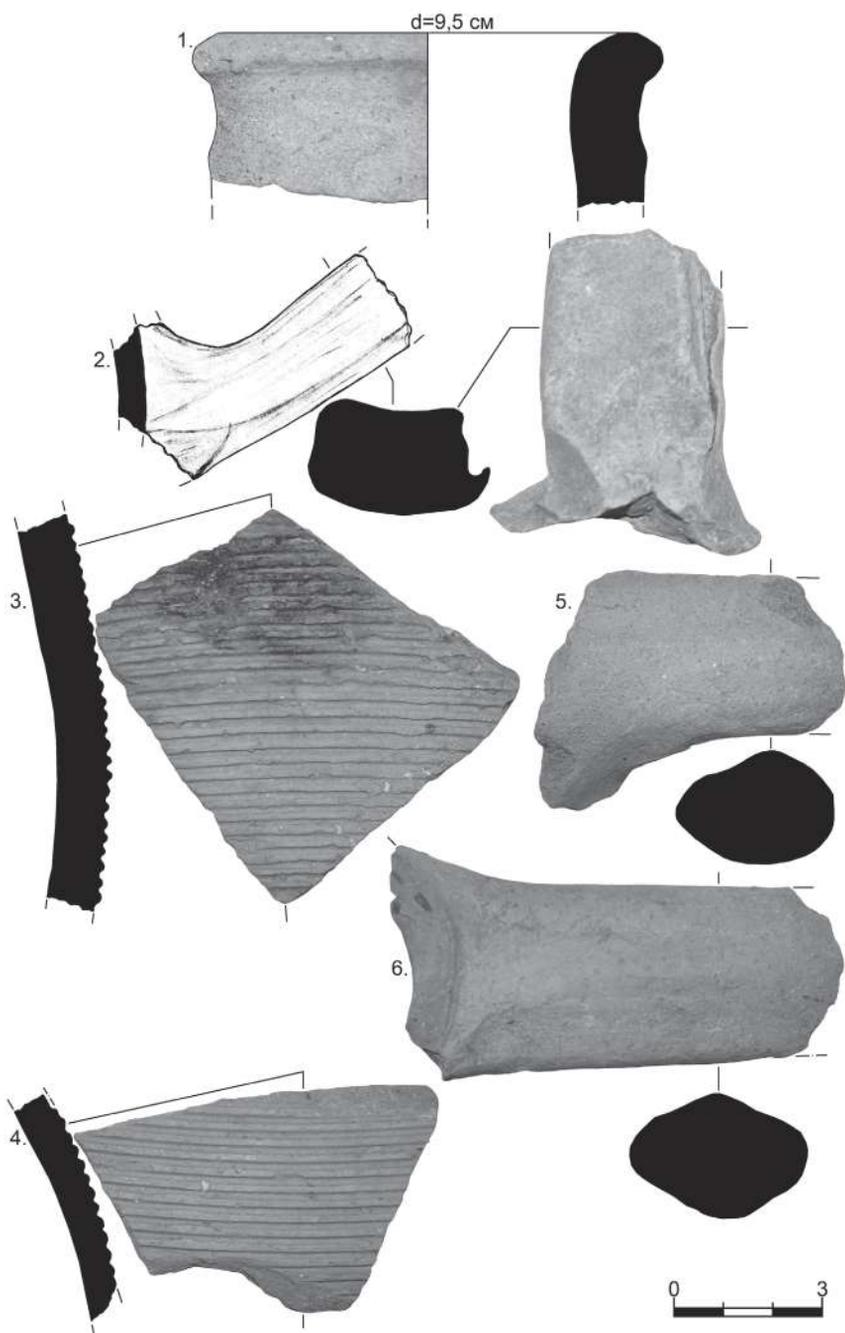

Рис. 11. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 1-го (нижнего) горизонта мощения улицы.

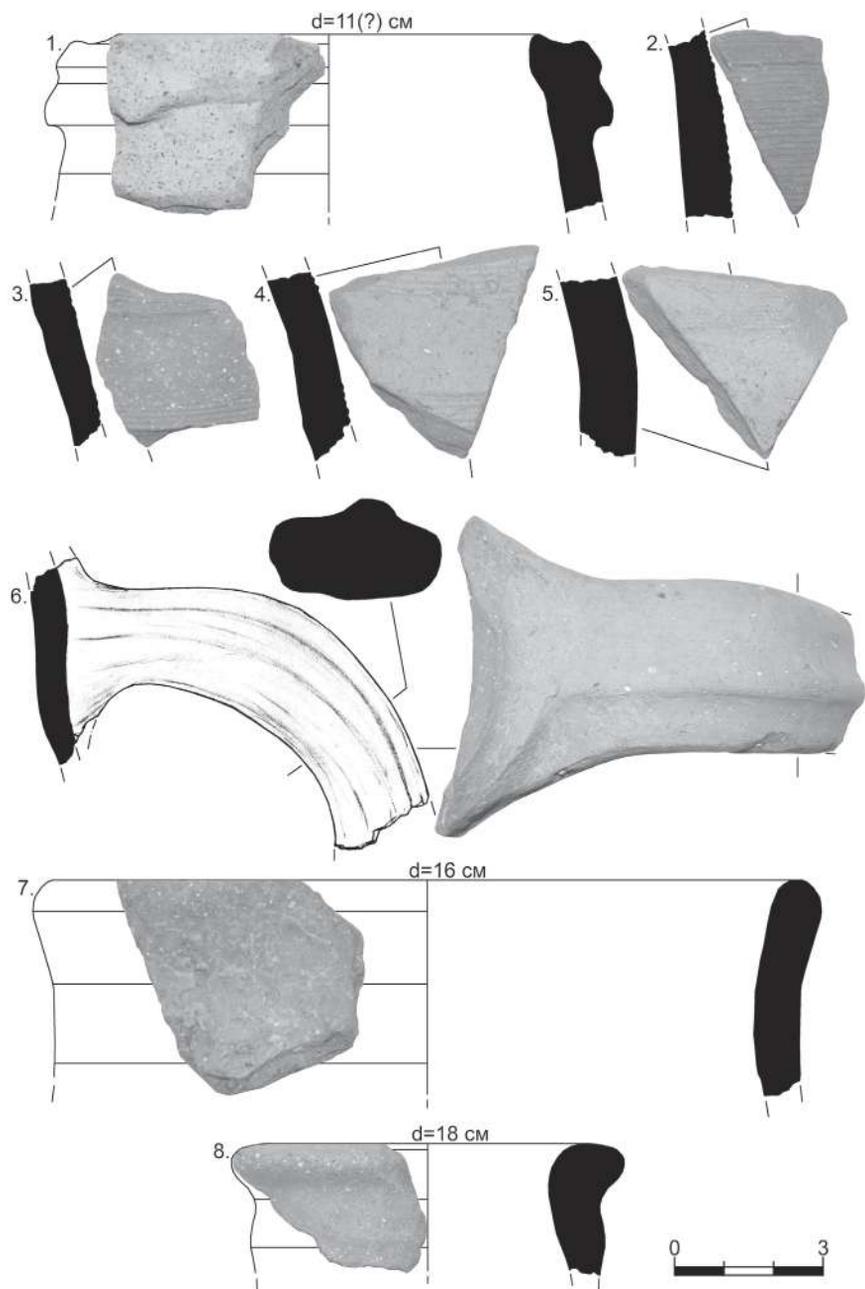

Рис. 12. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 1-го (нижнего) горизонта мощения улицы.

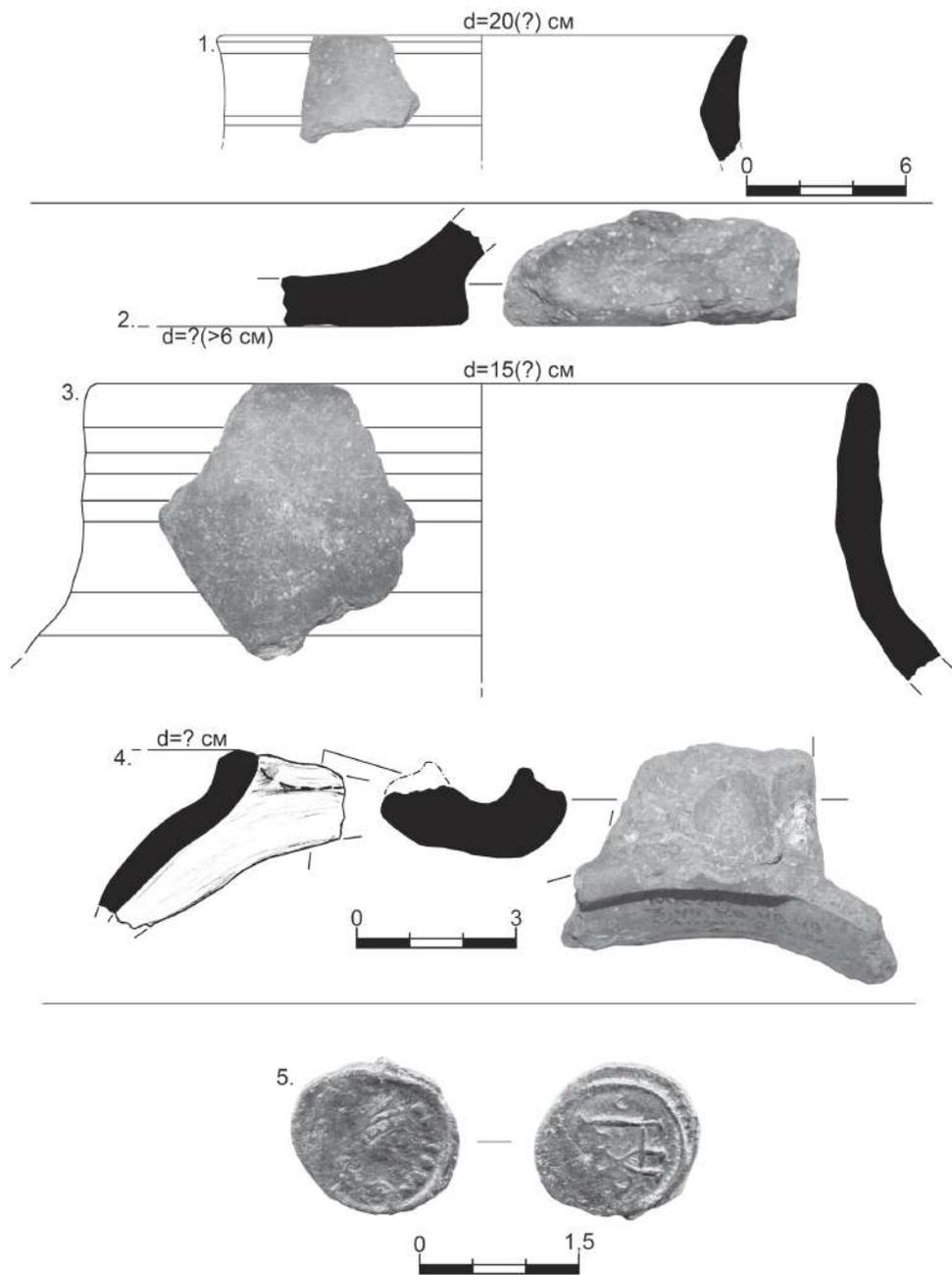

Рис. 13. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 1-го (нижнего) горизонта мощения улицы.

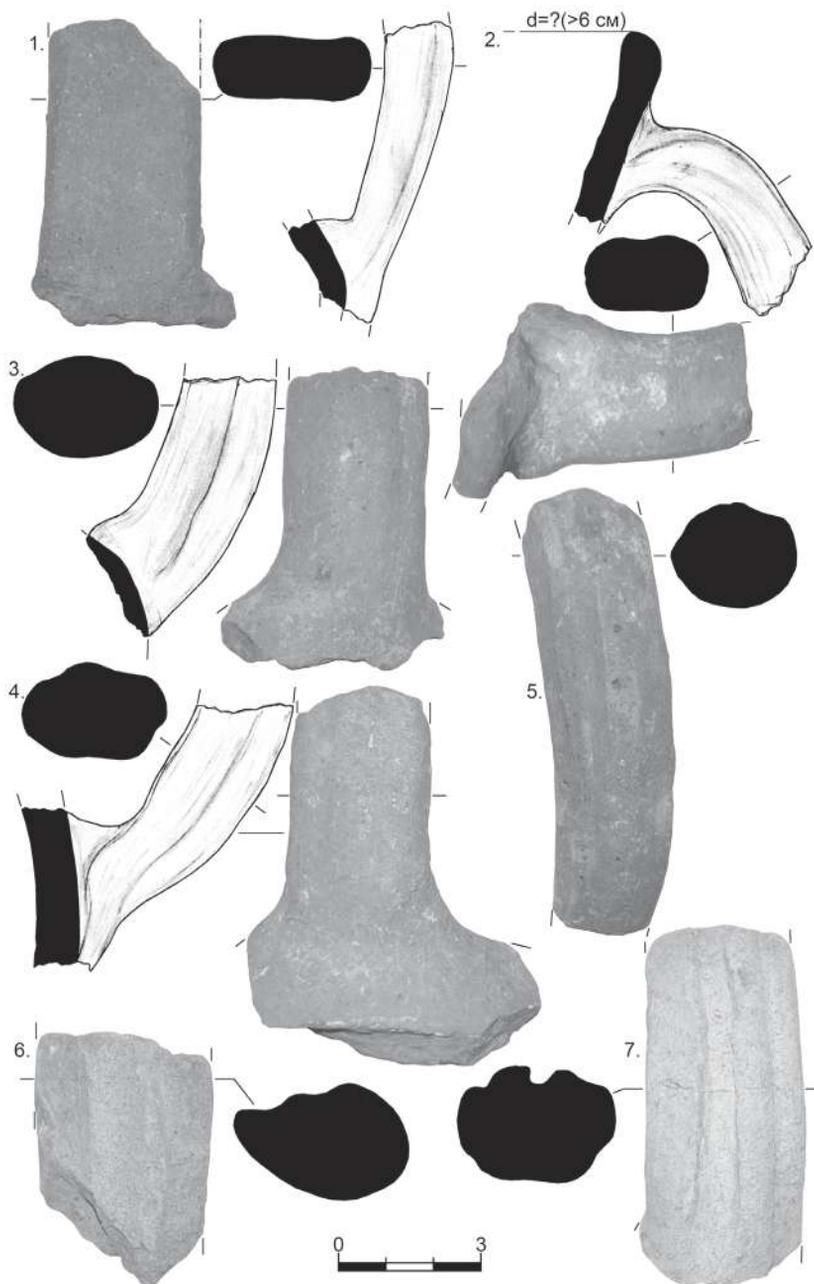

Рис. 14. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 2-го (среднего) горизонта мощения улицы.

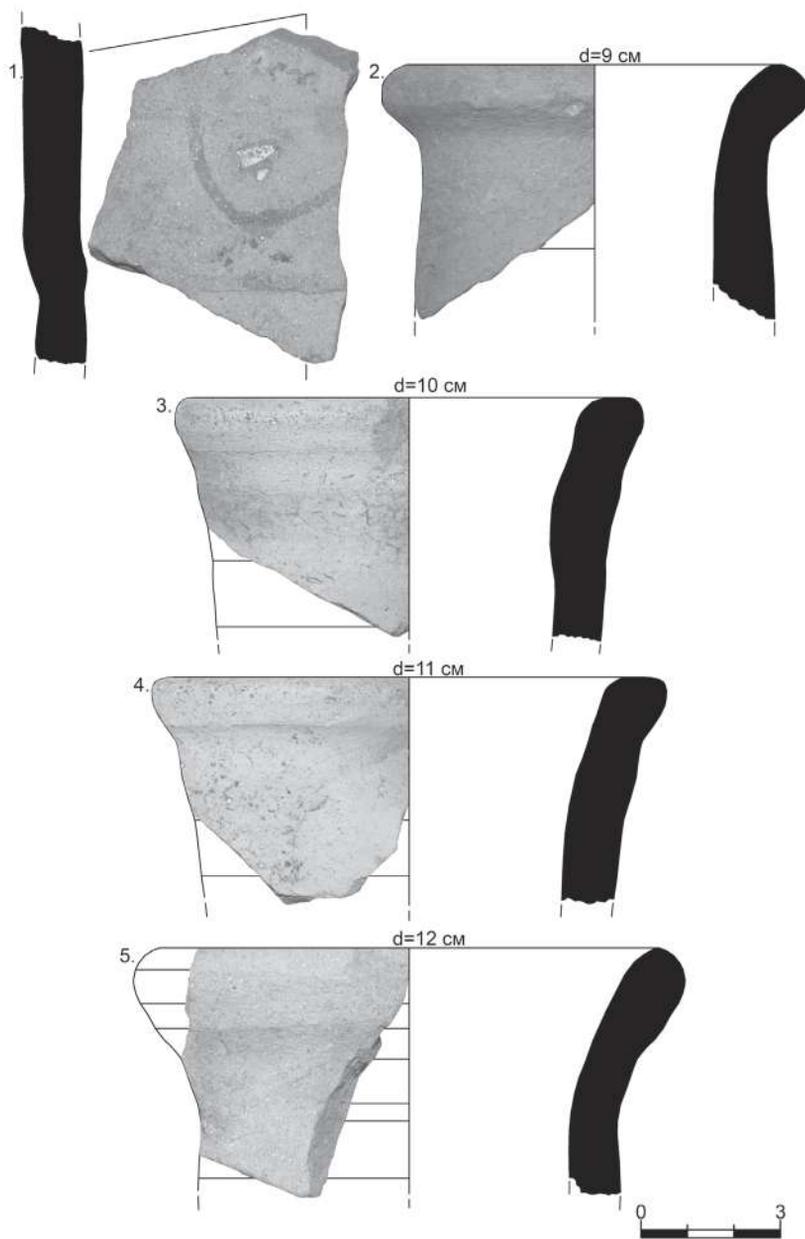

Рис. 15. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 2-го (среднего) горизонта мощения улицы.

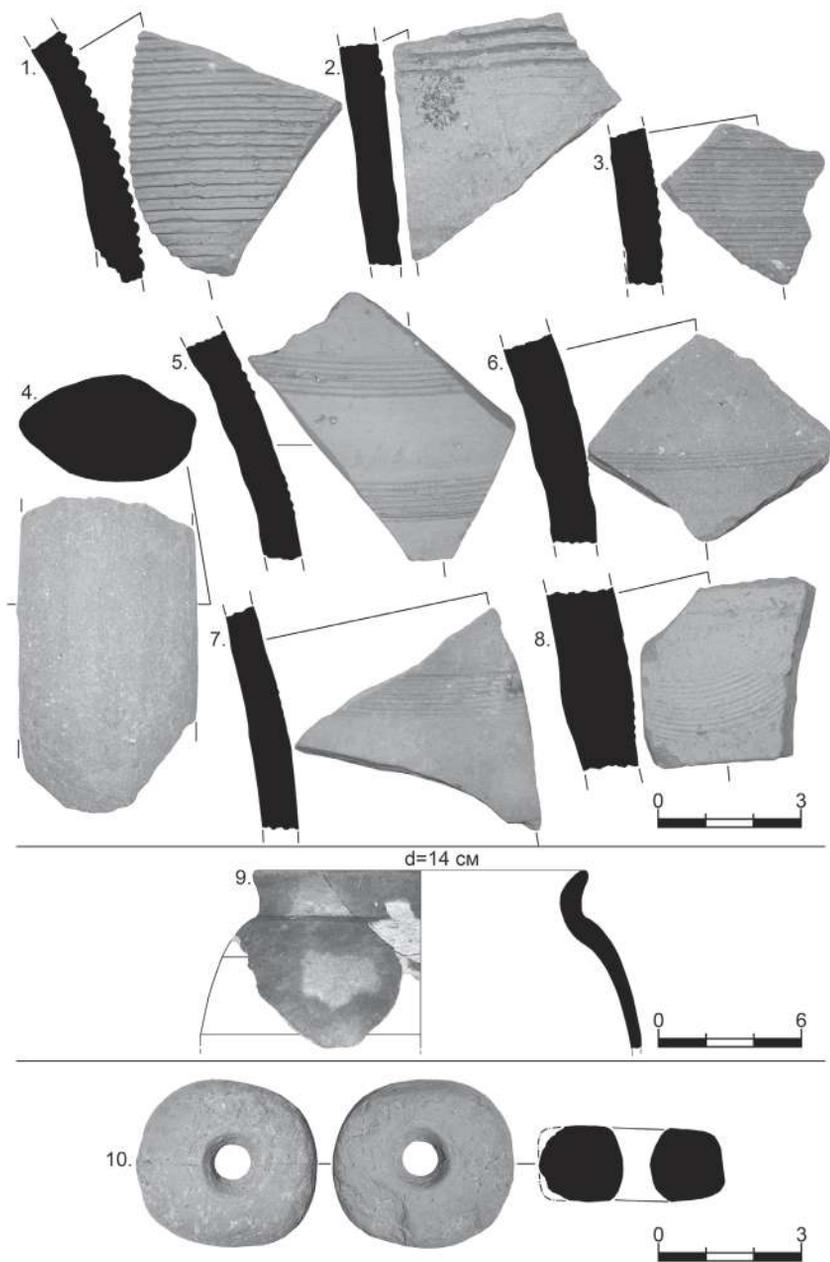

Рис. 16. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 2-го (средне-го) горизонта мощения улицы.

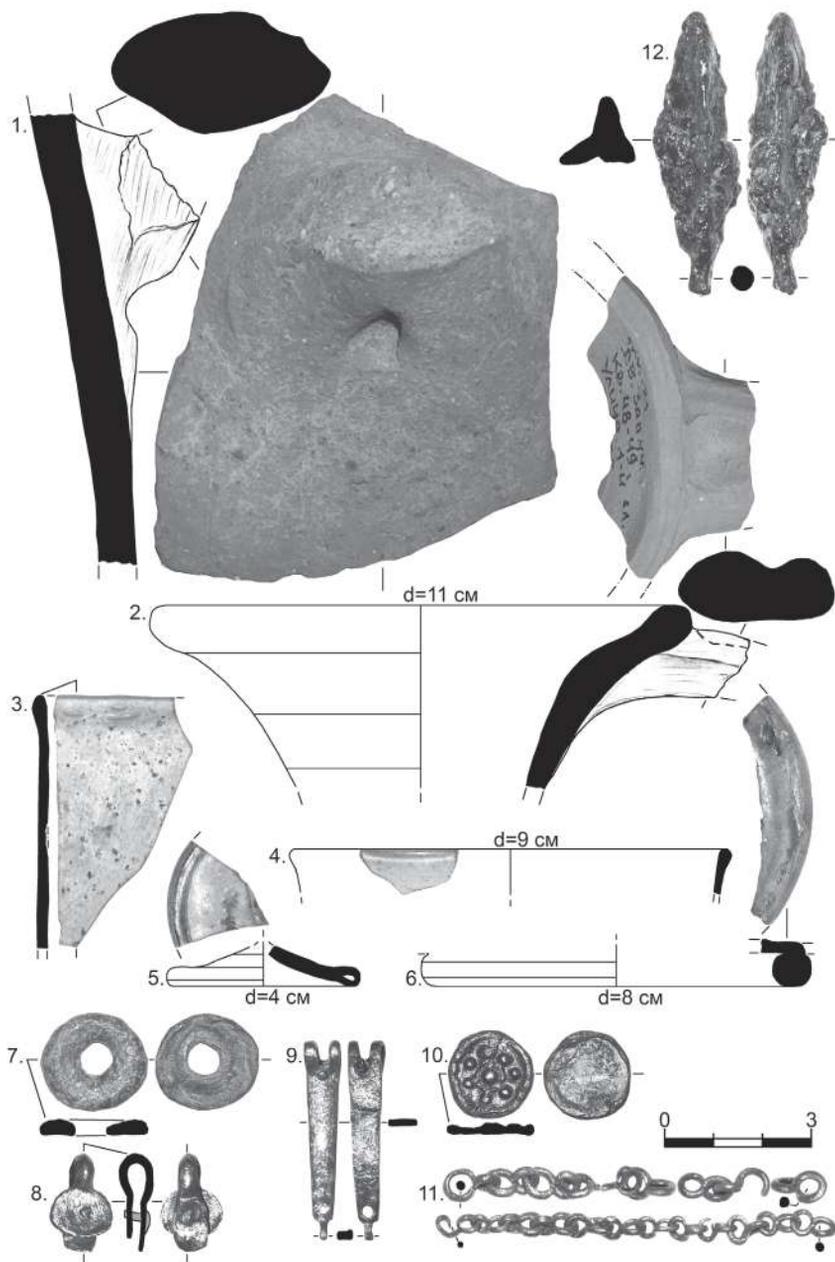

Рис. 17. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 2-го (среднего) горизонта мощения улицы.

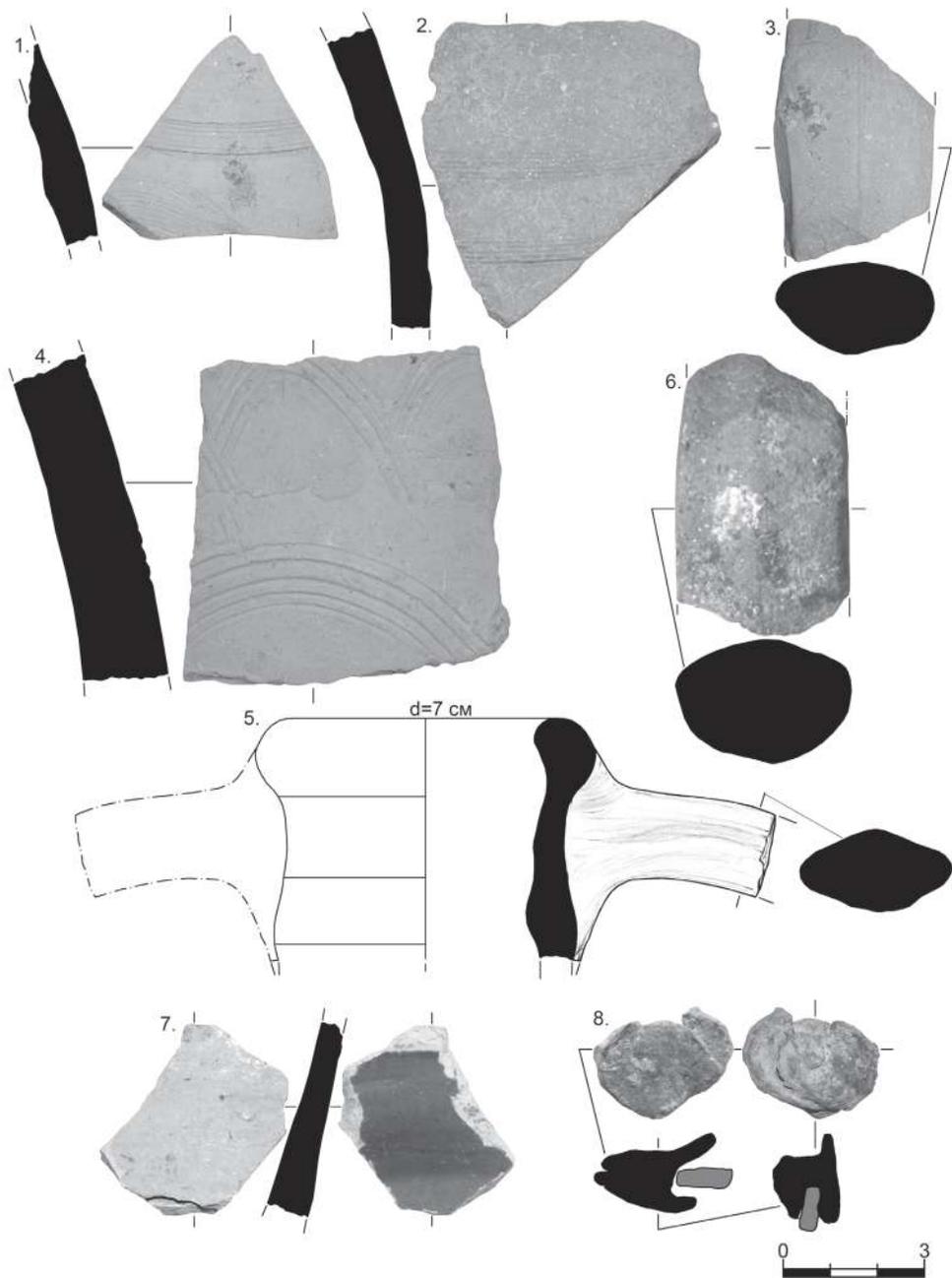

Рис. 18. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 3-го (верхнего) горизонта мощения улицы.

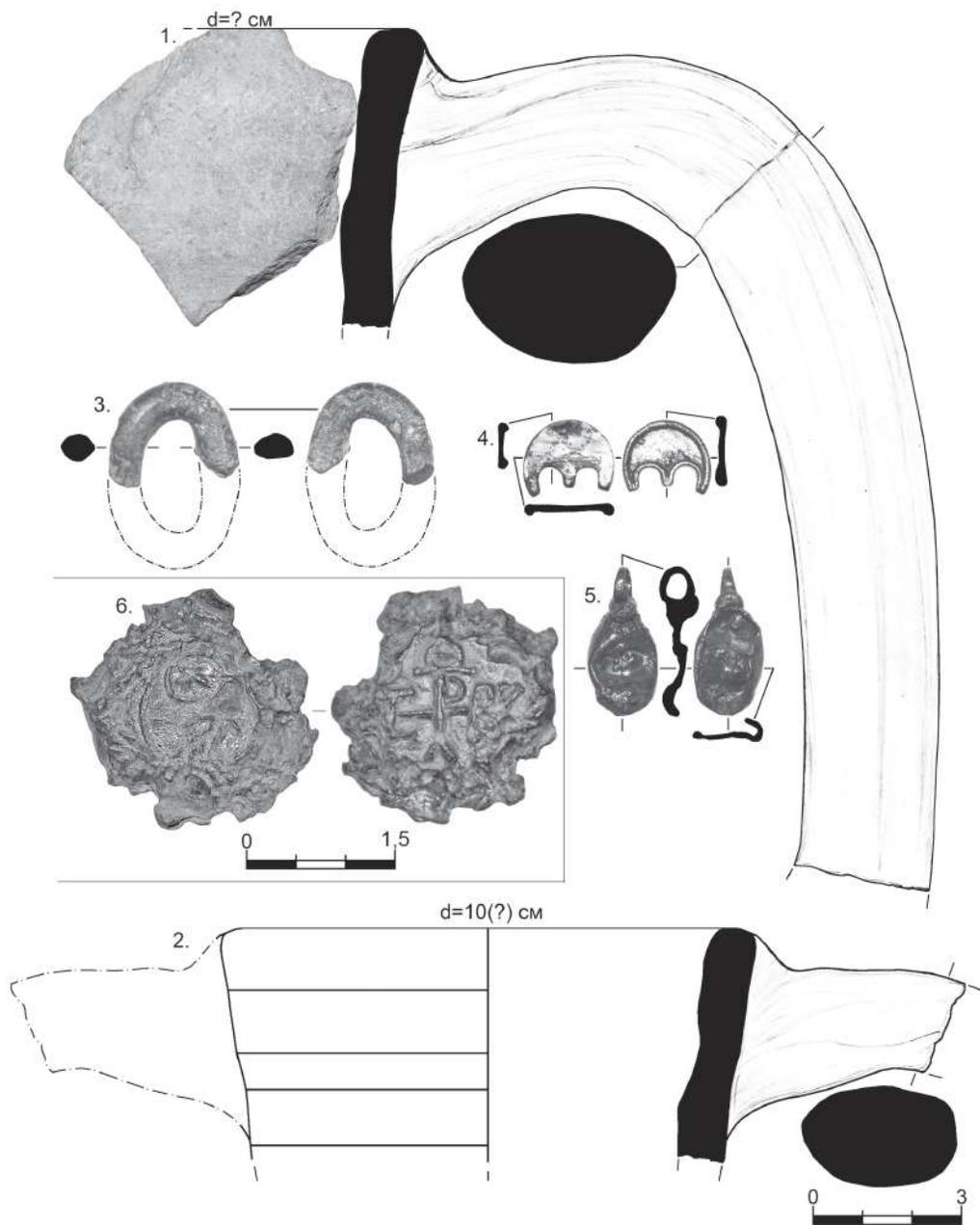

Рис. 19. Дворец. Западный участок исследований. Археологические находки из 3-го (верхнего) горизонта мощения улицы.